

Второй шанс

Автор:

Юрий Иванович

Второй шанс

Юрий Иванович

Пожилему ученому Александру Коху достается в наследство магический артефакт – скифская «даркана». Семейная легенда гласила, что это ключ к возвращению молодости. Никому не удавалось найти способ, чтобы воспользоваться чудодейственным средством, но академик Кох смог. Как и ожидалось, за ученым и его открытием начинается охота спецслужб и преступных авторитетов. Успешно опробовав семейную реликвию и уходя от погони, Кох попал из Москвы в деревенскую глушь, где встретил неожиданных помощников. «Даркана» не так проста – она может переносить сознание Коха в древнюю Скифию, и академику выпадает шанс исправить ошибки истории...

Юрий Иванович

Второй шанс

Пролог

Широкий коридор многокомнатной квартиры – прекрасное место для утренней разминки. Особенно когда там установлена шведская стенка и велотренажёр, а удобные встроенные шкафы до самого потолка облицованы зеркалами. Визуально помещение превращается в большую комнату. И места хватает для всего. И дышится превосходно. Поэтому атлетически сложенный тридцатилетний мужчина не просто отрабатывал тягучие перемещения своего любимого ушу, а делал это в отличном настроении, с непроизвольной улыбкой на лице. Казалось бы, ничто не сможет омрачить эту праздничную атмосферу начинающегося дня.

Однако после короткого звонка у входной двери поведение мужчины резко изменилось. На несколько секунд он застыл на месте, меняясь в лице и напряжённо прислушиваясь. Куда делась благостность и расслабленность, сменившаяся озадаченностью и волнением? Он бесшумно скользнул к вешалке и сноровисто опоясался широким ремнём с кобурой и чехлом для армейского кинжала. Сам кинжал и пистолет, лежавшие отдельно на тумбочке, оказались моментально водружены на свои законные места. Мужчина натянул рубашку на мокрую от пота майку, и на плечо легли ремни подмышечной кобуры. Одевание завершила надетая поверх всего свободная куртка из джинсовой ткани.

Только после этого мужчина на цыпочках сместился к двери и включил экран наружного обзора. Присмотрелся к стоящей на лестничной площадке женщине, затем с помощью подвижной наружной камеры осмотрел лестницу вниз и вверх, обращая внимание на пустующую шахту лифта. Несмотря на длительность всех этих манипуляций, женщина продолжала стоять спокойно, небрежно опираясь на большую хозяйственную сумку на колёсиках.

– Кто там? – наконец-то пробормотал настороженный обитатель квартиры.

– Сто грамм! – ответил ему раздражённый женский голос. – И пончик! Или завтрак на сегодня отменяется?

Щёлкнули замки, и уже в открывающуюся дверь понеслось радостное возражение:

– Ну что вы, Вера Павловна! Уж вы-то всяко лучше готовите яичницу!

– Балабол! – ворчала входящая. – Как можно так долго спать? Лентяй и бездельник! – но, оказавшись внутри и дождавшись полного закрытия дверей, женщина сразу сменила тон, переходя на встревоженный шёпот: – Миша, что тут у вас?

– Да всё тихо! – с изумлением зашептал ей в ответ мужчина. – А с чего такая тревога? Что случилось?

– Увидела в «Пятёрочке» Бурого. Того самого типа, который руководит зачистками по поручению Лавсана! – шепча это, Вера уже сама осматривала лестницу и площадку через экран наружного наблюдения.

– Что, прямо вот так с ним и столкнулась, лоб в лоб?

– Хуже. Заметила его случайно, через зеркало витрины. Попытался от меня прятаться за дальними стеллажами.

– То есть явно за тобой следил? – уточнял Михаил, застёгивая рубашку.

– Несомненно! Поэтому и не стала заходить в подсобку, чтобы наших системных не спалить. Ну и нескольких подозрительных типов на улице заметила. Их пробить по памяти не смогла. Если верить картотеке, вроде таких в окружении Лавсана не было. Но всё равно опасно.

– Так что, вызываем подмогу? Или сами срочно эвакуируемся?

Прежде чем ответить, женщина коротко задумалась.

– Ну да, такие твари могут и среди бела дня полезть... А что академик делает?

– Спит. Всю ночь работал. Наши тоже отдыхают.

– Ребят буди. Я связываюсь с шефом. Если что, потом сама подниму академика. Но скорее всего будем отсюда уходить.

– Понял! – Михаил тут же устремился в конец коридора.

Вера Павловна, внешне казавшаяся не старше своего подчинённого, тут же отвезла сумку в кухню, на ходу доставая из кармана лёгкой курточки мобильный телефон. Но пользоваться им не стала. Зато из микроволновой печи вынула массивный телефон с толстой антенной спутниковой связи и со скоростью отличной стенографистки стала набирать сложные коды доступа. Только через минуту связь заработала. В динамике раздался короткий вопрос, и женщина приступила к докладу.

- Это я. У нас неприятности...

2

В наглухо тонированном автомобиле находились двое. Массивный, с широкими плечами парень пытался возмутиться.

- Слышь, Бурый, а чего это самое интересное пройдёт без моего участия? Я ведь всегда прекрасно справлялся. Что сегодня не так?

Второй мужчина, возрастом за пятьдесят, меланхолично двигал челюстями, перетирая жвачку. При этом внимательно рассматривал в бинокль интересующий его подъезд и прилегающий к нему участок двора. Отвечал с ленцой, с апломбом, делая длинные паузы между предложениями.

- Запомни, племяш, старших надо слушаться всегда... Тем более родственников... Они плохого не посоветуют... И на смерть не пошлют. А ты вон какой приметный вымахал!.. Недаром тебя Паровозом обзывают... Да и дело сегодня непростое...

- Да их там всего четверо, - горячился парень. - Сомнём одним ударом!

- Ну не скажи, не скажи... Один из них ещё тот стрелок... Много воевал... А уж Верка эта - так опасней десятка змей. Шефу-любовнику предана до самого кончика своего ядовитого хвоста. А уж если меня заметила да опознала... То у нас будут осложнения...

- Тогда зачем ты лично за ней в магазин пошёл?

- Уж очень хотелось понять, с кем она там контакт поддерживает...

- Ну и?..

- Вроде ни с кем. Просто жрачку закупала... наверное.

Еле слышно запиликал мобильный телефон, который вскоре оказался прижат Бурым к уху.

- У нас всё готово! - последовал доклад. - Когда начинаем?

- Ждите, дам команду! - после чего выключил один телефон и задействовал второй для следующего разговора: - Шеф? Торт купили, осталось только открыть шампанское. Празднуем? - получив в ответ короткое «Да!», Бурый отключился и повернулся всем корпусом к родственнику: - Теперь слушай внимательно! Двинешься со стороны второго подъезда и прикроешь возможную линию отхода по лоджиям и через смотровую площадку. Код подъезда ты знаешь, прикормленный таджик на входе сейчас отлучился.

- Там же Наркуша прикрывает! - удивился парень.

- А ты его подстрахуешь. Но так, чтобы он тебя вначале не заметил. А потом, когда последует отбой, надо сделать так, чтобы Наркуша остался на своём месте, но... - последовала многозначительная пауза, - но со свёрнутой шеей. Будто упал, нечаянно...

Паровоз нахмурился, пытаясь включить мизер своего интеллекта.

- А если он не упадёт?

Бурый тяжело вздохнул, но продолжил всё тем же спокойным тоном:

- Значит, ты ему поможешь.

Однако видя полное недоумение в глазах парня, снизошёл до пояснений.

- Крысятничать стал Наркуша. И ментам информацию сливать.

- А-а-а... тогда понятно. Сделаю!

- Вот и отлично, действуй! Через десять минут начнём!

Глядя на племянника, который покинул машину и двинулся ко второму подъезду, Бурый ещё раз вздохнул и потянулся за первым телефоном. Затем ловко сместился на водительское сиденье и, поглядывая на часы, пробормотал как заклинание:

- Ну, Господи, помоги!.. Если справимся, сегодня же десяток свечей тебе поставлю.

З

Из окна, закрытого тюлевой занавеской, открывался отличный вид на соседний дом и двор перед ним. В самой комнате находились трое мужчин: один в дорогом, ладно скроенном костюме, а двое – в экипировке спецназа. Старший по званию и гражданский в бинокли рассматривали машины во дворе и окна интересующего их дома. Ну а третий пытался справиться сразу с несколькими телефонами и станцией персональной связи.

Из динамиков станции время от времени поступали короткие доклады и сообщения.

- Вторая группа на месте! Рассредоточились. Помех нет.

- Здесь третий. У нас всё спокойно. Объекты затихли на чердаке, сидят как мыши.

- Здесь восьмой. Из автомобиля вышел Паровоз, двигается ко второму подъезду. На месте остался только Бурый. Сел за руль. Завёл двигатель.

Мужчина, наблюдавший за машинами, тотчас же, не оборачиваясь, отдал распоряжение:

– Капитан, всем объявляй высшую степень готовности!

В эфир близкой связи и в микрофоны для персоналок понеслись команды. Мужчина в гражданском костюме, опустив бинокль, нервно передёрнул плечами и поинтересовался:

– Полковник, вы уверены, что всё получится?

– И вам советую не сомневаться, Сергей Сергеевич! – твёрдо ответил тот.

– Если с академика хоть один волосок упадет – за ним и наши головы полетят.

– Не надо так сгущать краски и нас запугивать, – скривился полковник. – Тем более что у нас всё под полным контролем. Бандиты этого Лавсана и в подмётки не годятся нашим ребятам. Да и внутри квартиры нападающих ждёт горячая встреча. Все охранники из агентства вооружены до зубов.

– Их хоть предупредили?

– Естественно, – руководитель спецоперации отвечал уверенно, но взгляд отвёл, словно заинтересовавшись чем-то во дворе. Из-за этого Сергей Сергеевич продолжал дёргаться, потел и размахивал руками.

– А почему нельзя ударить по бандитам сразу? Так сказать, нанести по ним превентивный удар?

– Потому и нельзя, что мы обязаны действовать в рамках законности. Но как только последует взрыв, мы никого щадить не станем, всех повяжем. Даже этого Бурого, который старается остаться в стороне. Ушлая тварь!..

– Но вдруг академик попадёт под шальную пулю?

– Да полно вам, Сергей Сергеевич! – не стал скрывать досаду полковник. – Ещё сглазите!.. Ваше дело – научная консультация. Всё остальное – наша забота. И не забывайте, что вашего гениального учёного Лавсан тоже приказал брать без единой царапинки. В противном случае он своим отморозкам сам головы оторвёт.

Его собеседник согласно кивнул, но озабоченность из тона не исчезла.

– А как вам такой факт, что к телефону академик уже трое суток не подходит? Даже на звонок своего лучшего друга не отозвался. А ведь раньше такого никогда не было... Странно, не находите?

– Нет! – излишне резко ответил представитель силовых структур. И тут же постарался смягчить тон: – Просто представьте себя на месте учёного. Захочется вам в возрасте за девяносто, с кучей болячек и в прескверном настроении, общаться с таким же старым марзмати́ком? Тем более что тот только и жалуется на свои хвори. При этом учитывая, что даже поспать времени нет. А? Каково?

– Ну да, ничего приятного... Одержимый работой человек на такие разговоры отвлекаться не захочет.

– И напоследок... – полковник оглянулся на капитана, обложенного телефонными трубками, и понизил голос до шёпота: – Важность работ, их направление и существующие достижения мне известны. Поэтому неуместно будет вам напоминать, насколько я сам заинтересован в успехе операции. Всё это под контролем у самого...

– Тогда тем более надо действовать по-другому! Неужели давно нельзя было спрятать академика, создавая для него самые оптимальные условия при полной безопасности?

Полковник скривился и с досадой цыкнул языком.

– А вот не захотел старикан, и всё тут. Упёрся рогом, и ни в какую. Зато сейчас, после чёткого проявления намерений со стороны Лавсана и прочих враждебных сил, академик будет вынужден согласиться принять нашу помощь.

Сергей Сергеевич в упор уставился на собеседника, не скрывая крайнего недовольства.

– Странные у вас в конторе методы уговоров. Ведь при этом погибнут люди! И агентские пострадают, и ваши...

– Нет, пострадают только бандиты! – с непоколебимой уверенностью заявил полковник. И даже коротко рассмеялся: – В этом у нас стопроцентная гарантия!

4

– Борх, они начинают!

Человек, лежащий возле узкого чердачного окошка, услышав голос в наушнике, прижал к горлу кружок микрофона и заговорил в ответ:

– А что с дублёрами? Успели?

– На позициях. По сигналу все втроём через окна начинаете отстрел всего, что шевелится. Особо лови академика и его охрану. Не жалеть пуль для контрольных выстрелов. Остальных снимут дублёры. Во время отхода мы вас прикроем.

– Понятно! – не меняя положения тела, Борх подтянул винтовку с прицелом, подготовился к стрельбе. – Всех так всех... Больше заработаем.

– Ну да, в этот раз премиальные поражают, – согласился со снайпером невидимый собеседник. – О! Взрыв! Началось! – в тот же момент раздался глухой звук взрыва, и крыша дома напротив вспухла изнутри, словно кто наподдал снизу широченным тараном. – Ого, как все забежали! Ничего, мы подождём эвакуации... Борх? Не спишь?

– Заснёшь тут с вами! Да и не привык я спать на работе.

Глава 1

Старость – не радость

Прасковья Григорьевна Козырева вышла на крыльцо своего небольшого домика и с грустью уставилась на почти заросшую тропинку, ведущую к её усадьбе. Метров через сто тропинка чуть расширялась, но только через три соседских участка превращалась в то, что можно было с натяжкой назвать грунтовой дорогой, пусть и заболоченной, и с глубокими колеями, забитыми грязью.

И всё, больше никаких признаков недавнего присутствия человека. Да и о самой цивилизации говорили только искривлённые временем столбы с электрическим кабелем. Кроме них и трёх унылых покосившихся хибар, в которых никто не жил и лишь хранился всякий мусор, ничего в поле зрения не попадало. Центр посёлка скрывался за молодой рощицей на взгорке, и за весь день порой не удавалось увидеть ни одной живой души.

Чудо ещё, что очками Прасковья Григорьевна пользовалась только при чтении да при написании личных дневников. В остальном дальновзоркость только радовала.

– Помру ведь, и не узнают, поди, месяц! – вслух высказалась старушка. И тут же такой тяжестью навалилась печаль, что в боку резко закололо, а в глазах потемнело от боли. Хозяйка с большим трудом смогла поставить возле ног помойное ведро и схватилась за перила крыльца. Чуть отдышавшись, попробовала пошутить.

– Всё! Больше о старухе с косой вспоминать не буду! Не хватало ещё сглазить!

Взгляд при этом непроизвольно уставился в полупустое ведро, и новые тоскливые мысли навалились тяжким бременем. Ведь ещё совсем недавно для неё было раз плюнуть вынести на огород полное ведро с помоями! И шла при этом чуть ли не бегом. Хотя... Когда это было? Она постаралась припомнить, но так и не смогла. Только и вспомнила, что до юбилея в девять десятков ей осталось два года. Как и своё недавнее предчувствие, что она до него не доживёт. В селе ни одного человека старше восьмидесяти не осталось, и если бы не благообразная, приятная внешность божьего одуванчика, давно могли бы прозвать Прасковью ведьмой. Хотя не факт, что не называют за глаза, завидуя долгожительству.

Тяжело вздохнув, Прасковья вновь взялась скрюченными артритом пальцами за дужку ведра и стала с ним осторожно спускаться с крыльца.

Кое-как зайдя на огород, с кряхтением выплеснула помои в выгребную яму. И только тут заметила, что не одна. От неожиданности ведро выпало из немощных рук и ухнуло в помои. Но старушка от этого даже не расстроилась. Хотя достать ведро теперь было ой как проблематично. Она во все глаза смотрела на стоящее сразу за забором существо. Вернее, человека. А ещё точнее – малыша лет пяти-семи. Тот выглядел таким жалким, грязным и оборванным, что Прасковья Григорьевна даже несколько раз сморгнула и перекрестилась. В бога она давно не верила, но хоть какую-то надежду на загробную жизнь иметь хотелось, потому и не забыла, как осенять себя крестным знаменем.

Малыш на её действия как-то странно ухмыльнулся и спросил нечто несурзное:

– А что, бабушка, немцы в селе есть?

От какого-то подспудного ужаса у Прасковьи Григорьевны по спине пробежал озноб. Она нервно сглотнула, но всё-таки постаралась взять себя в руки. Как-никак давно жила одна и уже ничего и никого не боялась. Даже поспешно оглянулась кругом, пытаясь понять: может, её разыгрывают? Никого не заметив, глупо переспросила:

– Немцы?!

– Ну да! – подтвердил мальчуган. – Фашисты, в смысле! – заметив, с каким удивлением старушка на него смотрит, вновь ухмыльнулся и добавил: – Хотя, может, сейчас гражданская идёт, и беляки у вас село заняли? Иначе с чего бы такая разруха кругом и запустение?

– Ты мне тут глупости не говори! – наконец-то опомнилась Прасковья Григорьевна и придала своему голосу максимум имеющейся у неё визгливости. – Живо отвечай, как тебя зовут?!

– Александр Свиридович! – с невероятным достоинством ответил малыш. – А вас?

– Станный ты мальчик! – старушка недовольно поджала губы и с презрением сощурила глаза. После чего со всей строгостью и неожиданным для самой себя раздражением оглядев ребёнка с ног до головы, произнесла: – Не такая уж ты и цаца, чтобы тебя Александром величать! Санька, Сашка, Сань, Ашка... да как угодно! Только не полным именем!

– Тогда и я к вам буду обращаться не иначе как бабка, баба, тётка, тютка, клюшка, сушка, прибаутка!

– Да кто же тебя научил так со старшими разговаривать?! – возмутилась хозяйка домика.

– Такие взрослые, как и вы! Которые тоже к детям с презрением и недоверием относятся! – Малыш посмотрел таким глубоким, если не сказать старческим взглядом, что Прасковья Григорьевна содрогнулась от произвольной волны страха.

– Так ведь я не со зла... – растерянно пролепетала она.

– Небось со своим внучком сюсюкаетесь, а меня зазорно назвать тем именем, каким я представился? – настаивал ребёнок.

Вопрос о внуке ничего не затронул в душе хозяйки усадьбы. А вот чувство недоумения только усилилось. Прасковья Григорьевна ещё раз осмотрелась по сторонам и шагнула к забору, тяжело опёршись на него. Чувствуя себя при этом не то полной дурой, не то в каком-то странном сне. Ну не мог такой сопляк разговаривать подобным образом. Не мог!

– Ладно... хорошо... Александр! Но расскажи мне всё-таки, что ты тут делаешь? Да ещё в таком виде? И где твои родители?

– А сами представиться не хотите? Я ведь человек воспитанный, привык обращаться как положено.

– Прасковья Григорьевна.

– Ну вот, Прасковья Григорьевна, очень приятно с вами познакомиться. Теперь могу отвечать и на ваши вопросы. Только давайте договоримся – отвечать будем по очереди. Отвечаю на ваш первый вопрос. Только недавно вышел из леса, – малыш как-то странно указал большим пальцем себе за спину, – и сразу наткнулся на вашу великолепную усадьбу. Вот и стоял, думал, кто в теремке живёт. Теперь вас спрошу – какой сейчас год, месяц и число?

- Где? - хозяйка дома не сразу осознала суть вопроса.

- Да здесь же! - похоже, мальчик тоже стал нервничать. - Или вы не помните, какой сегодня день?

- Отчего ж не помню?! Двадцать шестое августа нынче...

- А год какой?

- Да всё тот же, две тыщи... тый.

- Уф! И то хорошо, что хоть недалеко забрался! - обрадованно выдохнул малыш. - Теперь вы спрашивайте!

- Это... как его... почему ты в таком виде?

- Заблудился я, Прасковья Григорьевна... - сказано это было детским звенящим голосом, но с такой тоской, словно говорил старик на смертном ложе. - Четыре дня через лес пробирался. Вот и одёжка того... тютю! Шёл всё время на юг...

- Да это и не лес, а урочище большое. Так правильнее... И похоже, что ты его по глупости своей с противоположного края на этот пересёк. Бедняга... Как же ты, дитя, юг определил?! - воскликнула старушка, заодно соображая, с какой скоростью мог двигаться ребёнок по лесному массиву. Получалось вполне возможно, что сказанные четыре дня.

- Теперь я спрашиваю! Кто с вами ещё живёт?

- Никого... Сама я... Вот уже шесть лет...

- Понятно! А юг я определяю по коре деревьев. Где мох - там и север. А юг в противоположной стороне! - бодро и с недетским ехидством оттарабанил Александр. - Теперь я снова спрашиваю. Можете вы, Прасковья Григорьевна, накормить усталого путника?

- Так... - старушка растерянно повела вокруг руками. - Отчего ж и не накормить добра молодца! - и впервые с начала разговора улыбнулась, сразу

превратившись в добрую и милую старушенцию.

Малыш как-то облегчённо вздохнул, и они пошли вдоль изгороди ко двору. Там он сразу спросил:

– А помыться можно?

– Конечно! Воды я ещё сегодня не доставала из колодца... Тяжело... Если хочешь, бери из бочки дождевой...

Малыш по-деловому ковшиком начерпал воды в тазик, снял изорванную курточку, изгвазданную в глине рубаху и стал мыть лицо, шею и руки до самых плеч. При этом он пофыркивал со странной степенностью и солидностью. Бабулька мотнула головой, пытаясь отогнать совсем уж странные мысли, подала гостю полотенце, висевшее на верёвке для просушки, а потом всё-таки непроизвольно оглянулась на подступающий к огороду строй деревьев.

– Не страшно было в урочище?

– Да в наших лесах главное на медведя или волков не напороться. Но за четыре дня удалось с ними не встретиться.

– Так ведь, почитай, всех давно извели, – почему-то стала сокрушаться Прасковья. – Как понаехало в прошлые годы мужиков с ружьями да автоматами, так всю живность под корень. Разве что в самой глухомани какой волчишка схоронился.

– С автоматами? – Лицо малыша покраснело от холодной воды и растирания, но тон вопроса показался осудительным: – А кто же им разрешал так охотиться?

– Да всё те же отцы народа! Тьфу ты, вот нечисти развелось! Сам губернатор со своими приспешниками, поговаривают, давал разрешение на охоту. Да и сам не гнушался...

– Ясно. Везде одно и то же. Не страна, а кормушка для самых оголтелых бандитов.

– Господи, да где ж ты таких слов нахватался?

– Я, Прасковья Григорьевна, ещё и много других слов знаю. Какие вам и не снились. Но честно признаюсь, живот от голода свело и сил больше постничать не осталось.

– Ой, конечно! Заходи... э, Александр... Свиридович, в избу. У меня как раз каша на печи млеет.

Старушка первой вошла в сени, а потом и в горницу. При этом у неё мелькнула мысль накормить гостя да спать уложить. А самой тем временем к соседям сбегать. Но на кого мальчика оставить? Вдруг опять в бега пустится? Ведь двери снаружи на замок закрыть можно, а вот окна изнутри открывались без труда и младенцем.

Пока она со вздохами и причитанием накладывала полную миску наваристой каши да нарезала хлеб с копченой колбасой, её глаза так и метались по избе. Явно выдавая свою хозяйку. И малыш каким-то чудом угадал причину беспокойства. Съев половину каши и солидный кусок хлеба с колбасой, он произнёс немного странную фразу.

– А ведь раньше я такую мамалыгу и на запах не переносил, – сказал он, а потом показал и свою догадливость: – Зря вы на окна так коситесь. Я ведь всё равно сбегу ещё до прихода соседей.

– Только попробуй! – Старушка попыталась развернуть согбенные плечи и уже потянулась рукой к уху ребёнка, как тот совершенно спокойно переспросил:

– А если не справитесь?

При этом он сидел совершенно спокойно и с таким независимым видом, что старческая рука замерла на полпути, а потом и вообще попыталась сделать вид, что поправляет край скатерти на столе. Хотя в мыслях Прасковья ещё пыталась себя завести на строгий голос, но вслух растерянно спросила:

– Так тебя ж, поди, родственники давно ищут?

– Нет у меня, теперешнего, родственников. Померли давно. А меня самого бандиты чуть ли не по всей стране ищут. Вполне возможно, что именно в таком вот детском теле. Ликвидировать хотят.

– Ты чего?.. – опешила старушка. – Что мелешь-то?

– Увы, Прасковья Григорьевна, – малец так тяжело вздохнул, словно помирать от старости собрался. – Чистая правда. И не смотрите вы на меня такими глазищами. Вопрос именно так и стоит: если спрячете меня – выживу. Если кто посторонний проведаёт обо мне – убьют.

– Да что же это в свете делается...

– Сами знаете – беспредел.

– И почто ж такого мальчика убить хотят?

Александр задумчиво поковырял ложкой остатки каши, затем не спеша допил из стакана отвар из сухофруктов и только потом решительно взял ладонь старушки в свои маленькие детские ручки. Но так естественно это сделал, что у хозяйки и мысли не мелькнуло вырваться или удивиться.

– Может, это и хорошо, что я именно сюда, в такую глухомань, выбрался. И мы с вами, Прасковья Григорьевна, помочь друг другу сможем невероятно. Поэтому придётся мне вам открыться полностью и всю правду рассказать. Как бы эта правда ни тяжела. Как бы она ни опасна. Но в вашем возрасте – это единственный и последний шанс приобщиться к великому чуду. А то и вообще начать жизнь заново.

– Что значит заново? – Внешний вид гостя сбивал с мысли: – И где всё-таки твои родители?

– Ох! Ну если я скажу, что родители умерли тридцать лет и двадцать один год назад, вам это поможет?

Старушка отчаянно замотала головой, а потом, видимо на всякий случай, перекрестилась. Это малыша не только рассмешило, но и взбодрило.

– Вот потому и надо начинать мою историю издалека. Готовы слушать? Тогда не перебивайте.

Тяжело вздохнул и приступил к рассказу:

– А начну с того, что и не малец я вовсе. Внешность обманчива, а старость, оказывается, можно обернуть вспять... На самом деле мне уже девяносто два года.

Глава 2

Встречный бой

Предчувствие беды и осознание какой-то неправильности происходящего навалилось на Бурого за две минуты до отдачи им команды о штурме. Почудилось, словно кто-то держит его в перекрестье прицела, несмотря на затемнённые бронированные стёкла дорогого автомобиля. Инстинкт самосохранения потребовал немедленно покинуть это место. Его звериное чутьё и раньше не подводило, так что человек с богатой боевой биографией и сейчас не стал ему противиться. Всё-таки в прошлом он не раз воевал в «горячих точках», потом служил участковым на очень криминогенном участке и вдобавок имел за плечами два срока совсем не на Черноморском побережье.

Только вот отменить операцию по захвату академика начальник силового отдела никак не мог. Вроде и занимал командную должность в структуре одного из олигархов преступного мира, и с его мнением обычно считались, но сегодняшнее дело организовывал, курировал и держал на жёстком контроле сам господин Лавсан. И сказано им было жёстко и однозначно: «Что бы ни случилось, хоть костями все там лягте, но чтобы этот старикан сегодня же оказался в нужном месте!» После такого приказа дать отбой операции – себя не беречь. Можно и не пережить очередной разговор с Добрым Потрошителем, как за глаза называли босса его старые подручные.

Да и аргументировать «отбой» нечем. Свои инстинкты в оправдание не приведёшь, чувство опасности пощупать постороннему не дашь, а измышления к

делу не подошьёшь – сразу сочтут трусом и саботажником. Вот если бы кто со стороны что-то заметил или аналитики с разведкой что-то опасное выяснили, тогда хоть имелись бы козлы отпущения. А так...

Бурый, он же в миру Николай Савельевич Буравский, только и смог что оттянуть неизбежное на несколько минут. Проехал через весь двор, давая круг и внимательно присматриваясь ко всем машинам, но так никого, кроме своих уголовников, не заметил. Но на прежнее место не встал. Выехал со двора и припарковался с включёнными аварийными фонарями прямо на улице. Остановка там была запрещена, да и движению остального транспорта машина мешала изрядно, особенно троллейбусу. Но с этого места уйти от любой погони – проще не бывает. Самое главное, что оттуда тоже было хорошо видно нужный подъезд.

Ощувив, как чувство опасности стало резко спадать, Бурый отдал команду по мобильному телефону.

– Начинайте!

Понятное дело, что с улицы он грохота взрыва не слышал, но хорошо представлял, как всё происходит. Вот в потолке нужной квартиры образуется отверстие, и уже в следующее мгновение вниз по верёвкам скользят шесть человек ударной группы. Лучшие боевики, годами собираемые в личной армии Доброго Потрошителя, могли дать фору бойцам спецназа, да и больше половины из них как раз и подбирались из тех самых структур. Такие зубры должны легко справиться с четвёркой гражданских лиц охранного агентства.

К тому же по лестнице уже поднимаются к двери две вспомогательные группы, которые после открытия входных дверей займутся эвакуацией академика и некоторых вещей, бумаг и устройств из его кабинета. Именно эти рискуют больше всех, потому что им придётся находиться в квартире дольше остальных. Но их и не жалко, Бурому они не подчиняются, – Лавсан этих умников где-то со стороны пригрел.

Оставалось совсем немножко выждать, и...

Момент, когда всё изменилось, бандит рассмотрел сразу: оставшийся на крыльце подельник, который присматривал за событиями во дворе, вдруг

дёрнулся и стал заваливаться на спину, ударился головой о дверь и остался лежать. Затем даже на улицу донёлся грохот многочисленных выстрелов. В бой вступили бойцы прикрытия, находившиеся в нескольких машинах, расставленных по всему двору.

Дальше Бурый не присматривался и не прислушивался. Чуть не совершив аварию, под возмущённый рёв чужих клаксонов, он влился в движение городского транспорта и помчался прочь от места событий. В голове вертелась только одна мысль.

«Племянника жалко! Но... если не дурак, то выкрутится. Место для отхода я ему выбрал самое лучшее».

Упомянутый племянник, выйдя из машины своего дяди, старательно выполнял данные ему поручения. Вначале добрался до нужного места – части коридора на верхнем жилом этаже. Этот участок архитекторами задумывался как обзорная застеклённая площадка между лоджиями. В первую половину зимнего дня тут было солнечно, тепло и уютно, и здесь собиралась ребятня, которая под присмотром мамаш или бабушек играла своими кубиками и машинками. Но сейчас лето, выходной день, народ отсыпается, и солнце только-только коснулось ограждения из толстого стекла. В такую рань здесь никого не должно было быть, кроме Наркуши, стоящего на запасной позиции и следящего, чтобы никто не ушёл из оцепленного объекта по лоджиям.

Однако какой-то малыш лет шести уже игрался на площадке, ползая на четвереньках с пожарной машиной и увлечённо имитируя звук сирены. Видимо, мамаша отпустила на время, пока сама соберётся для утренней прогулки в парк.

Вначале Паровоз хотел пробраться незаметно и заблаговременно выполнить дядин приказ. Да только подкрасться по изгибающемуся коридору с его массивной фигурой не получилось. Настороженный подельник сразу двинулся навстречу, держа руку за спиной и внимательно всматриваясь в полумрак. Но, опознав пришедшего, удивился.

– Паровоз? А ты чего здесь?

– Бурый послал подстраховать, – свои родственные отношения они с дядей скрывали почти от всех. – Опасается, что крысы могут в твоём направлении прорваться. А у тебя что?

– Полное спокойствие, если этого шкета не считать. Не могу понять, откуда он тут взялся? Только на минуту на чердачный этаж глянул, вернулся, а он уже жужжит с машинками. Куда только его мамаша смотрит?

Они оба стояли на повороте в самом густом полумраке, просматривая сразу два направления: лестничную площадку и двери квартир за ней, и аппендикс, ведущий к обзорной площадке.

– Ладно, делаем вид, что не замечаем, – решил Паровоз.

– Так ведь за ним придут и нас обязательно заметят. Особенно твою... хм, фигуру... Придётся тётку валить, если напросится. Или бабуку... И чего наши тянут? Почему не начинают?

– Вот-вот начнут... А стоим мы и в самом деле не там где надо.

Паровоз страшно досадовал, что с ходу выполнить главное задание не удалось. Убрать предателя ему казалось самым важным и существенным. О том, что именно сюда попытаются эвакуировать академика, он и не мечтал. Успел хорошо рассмотреть тех шестерых, которые устроят главный штурм квартиры и откроют входные двери для остальных. От таких зубров никто не уйдёт, зря дядя волновался.

Хотя было бы очень здорово доказать всем остальным свою крутость, ловкость и значимость, лично прихватив старикашку. А то даже такая гнида, как Наркуша, относится неуважительно. И это при двукратной разнице в габаритах! И при троекратном мускульном превосходстве!

С этими мыслями паренье досадливо чмокнул губами, что вызвало очередную насмешку со стороны приговорённого.

– Не сцы, Ефимка, всё будет на мази!

Больше всего Ефим не любил своё имя, да ещё и в уменьшительной форме. Поэтому осатанел настолько, что красные круги пошли перед глазами. И когда донёсся глухой звук взрыва, действовал несколько сумбурно, на эмоциях. Повернувшегося в сторону лоджий Наркушу он попросту огрел пудовым кулаком по затылку. Тело рикошетом отбилась от стены, а затем рухнуло как мёртвое. И у Паровоза никаких сомнений, что крысу и предателя он убил, не возникло. Другим жертвам обычно такого удара хватало.

Косясь на продолжающего играть малыша, Ефим забрал оружие с тела Наркуши, подхватил его за пояс и воротник и лёгкими прыжками ринулся на чердачный этаж. Уже бросая бывшего подельника под чердачную дверь, он уловил мелькнувшую в голове мысль.

«Надо бы контрольным! Или всё-таки свернуть? – но ноги уже несли обратно. Слишком интересно было глянуть на развитие событий. – Потом заскочу и проверю...»

Что удивило на освещённой площадке, так это отсутствие малыша. Как только и успел прошмыгнуть по коридору к себе домой? И никакая дверь вроде не хлопала, и бабка не звала... Или звала?

Грянула ожесточённая перестрелка, заставившая громилу ускориться. На застеклённую площадку он выбежал, сжимая в кармане брюк рукоятку пистолета, и застыл, уткнувшись лбом в наружную прозрачную стену. Слишком уж солнце заслепило, заставляя сильно моргать, убирая невольные слёзы и перестраивая зрение.

И всё равно Паровоз почти сразу сумел рассмотреть женщину, которая ловко пробиралась вдоль лоджий по наружным кронштейнам для ящиков с цветами. Он узнал её. Та самая Вера Павловна, старшая охранной группы и частного детективного агентства. Она явно стремилась к площадке, чтобы потом уйти через другой подъезд.

– Зря стараешься, тётка! – пробормотал бандит, вынимая пистолет. – Дядя у меня умный, предусмотрительный...

Но угрожающий рёв, раздавшийся всего в паре метров, заставил его замереть.

– Брось оружие! Быстро! И только дёрнись, сразу в дуршлаг превратишься! На пол! Руки за голову!

Сразу было понятно, что силы не равны и сопротивление бесполезно. Ефим оказался под прицелом сразу двух штурмовых автоматов, ну и вид двух спецназовцев в бронежилетах принуждал к беспрекословному подчинению. Выстрелы начали стихать, означая полный разгром поделщиков, штурмующих квартиру академика.

Бурый всегда учил племянника, что геройствовать в заведомо проигрышной ситуации не стоит и выкупить родственника из тюрьмы всегда легче, чем оживить после облачения в «деревянный макинтош». Так дядя любил называть гроб.

Вот Паровоз и не стал ерепениться, уронил пистолет и покорно улегся на пол. В этот момент и Вера добралась до площадки, перемахнув внутрь через стекло в рост человека. Ей хватило одного взгляда, чтобы разобраться в обстановке, опознать спецназовцев как своих и с некоторым облегчением выдохнуть.

– Ребята?! – тут же попыталась спросить она: – А где?..

За пару секунд до вопроса интенсивность выстрелов резко возросла, и оба автоматчика получили по пуле в голову. Бедняги погибли сразу. Результаты выстрелов женщина видела прекрасно, поэтому постаралась сместиться в сторону и ринулась прочь с опасного места. Но и ей не повезло: пуля попала в плечо, развернув тело силой удара. Вера Павловна крутнулась волчком, свалилась с ног и рухнула чуть в стороне, под сплошной стеклянной стеной, отделяющей площадку от лоджий. Сознания она не потеряла, но крика боли сдержать не смогла. Тогда как Паровоз, уже подхватив своё оружие и вскакивая на ноги, ликовал, восхищаясь родственником.

– Ай да дядька! И тут всё предусмотрел! – это его и спасло. Стекло, прикрывающее его от снайперов, осыпалось дробным градом, а вторая пуля ударила в то место, где он только что лежал. – Ё-моё! А меня-то за что?! – орал бандит, уносясь в полумрак коридора и делая при этом самые несуразные прыжки в стороны. – Я-то тут при чём?! – продолжал кричать он, словно крики могли услышать стрелки, держащие его в перекрестии прицелов.

Несмотря на огромное негабаритное тело, в него так и не попали – спасли прыжки и качание. Хотя ещё несколько пуль влетело в глубь коридора, вышибая искры из напольного мрамора и рикошетом оббивая штукатурку на стенах.

– Ваши задницы, да на перила! – к этим словам Паровоз скороговоркой присовокупил ещё несколько морских загибов, которым обучился среди зэков. Но, пробежав в конец коридора и выглядывая там через окно во внутренний двор, огорчился ещё больше: – Ух, ё-моё! Бозя, возьми меня за пазуху!

Во дворе горели две машины и завершалась небольшая война между бандитскими группами наружной поддержки и теснящими их силами спецназа. Броского автомобиля Бурого нигде не было. Стрельба из автоматов почти прекратилась, зато отчётливо были слышны винтовочные выстрелы, и люди в бронежилетах продолжали падать, пока кто-то не крикнул в мегафон:

– Всем в укрытие! Работают неопознанные снайперы!

Отпрянув обратно, Ефим забормотал:

– Кажется, дядя перемудрил с прикрытием!.. Или всех подряд занёс в список крыс и предателей... А может, это Лавсан зачищает тех, кто не справился с заданием, и попутно ментов прореживает?..

Дальше ему повезло, видимо присно упомянутый «Бозя» всё-таки послал ангела-хранителя. Дверь одной из квартир открылась, и в коридор выглянула заспанная тётка лет тридцати.

– Что за шум?! Я только заснула после ночной...

Долго возмущаться дамочке Ефим не позволил. Быстро затолкал её обратно в квартиру, запер за собой дверь и очень душевно попросил:

– Если сама шуметь не будешь, то и своими похоронами людям проблем не создашь. Поняла? Вот и хорошо, пошли, чайком угостишь.

Глава 3

Чудес так много на земле

Прасковья Григорьевна уже больше часа слушала откровения странного гостя. Порой задавала вопросы, порой позволяла себе спорить или шумно возмущаться. Некоторые детали уточняла, переспрашивая раз по пять, но всё равно история не укладывалась у неё в сознании.

Перед ней сидел ребёнок, мальчик, которому на самом деле девяносто два года. Точнее сказать – тело дряхлого старика омолодилось до невероятного состояния, а вот сознание осталось прежним. Разум отказывался верить в такое. Но стоило закрыть глаза, представить себе голос несколько иных модуляций, и тут же возникал образ убелённого сединами старца, опытного, всезнающего и измученного жизненными неурядицами.

Да и не мог ребёнок шести лет так убеждённо говорить, так грамотно излагать и красочно описывать, пользуясь при этом сложными оборотами речи. Подтрунивая порой над собой и над обстоятельствами, над человеческой жадностью и тупостью, девяностодвухлетний Александр Свиридович Кох рассказывал о себе и о самом главном за последние несколько лет своей жизни.

Прасковье Григорьевне самой только недавно исполнилось восемьдесят восемь, сама в жизни столько всего пережила, что хватило бы на несколько остросюжетных и многосерийных триллеров. Где только не бывала, с кем не общалась и под какой только меч беспощадной судьбы не попадала. Так что умела заглянуть в душу человека, могла отличить ложь от правды, верно оценивала наличие доброты или крайнюю степень цинизма.

Потому и понимала гостя. Потому, в конце концов, и поверила его рассказу. Пусть и пришлось иногда закрывать глаза и слушать именно сердцем то, чего быть не могло, но тем не менее...

Александр Кох смело мог назвать всю свою жизнь одним словом – преодоление. Сколько он себя помнил, ему приходилось, скрипя зубами от перенапряжения, преодолевать громоздящиеся на пути трудности.

Родился он в многодетной семье. Дед, Гельмут Кох, перебрался в Россию в конце девятнадцатого века. А своего сына-первенца от русской жены назвал редким именем Свирид.

Свирид Гельмутович прорвался в ранг уважаемого на то время учёного, историка и археолога. Александр у него родился в двадцать шестом году двадцатого столетия, уже имея трёх старших братьев и сестру. А после него семейство пополнилось ещё пятью детьми. Большая семья. И дружная.

Именно это помогло Александру Коху получить отличное разностороннее образование. Но уже в школьные годы он ощутил на себе весь гнёт социального неравенства и перекосы большевистской диктатуры. В начале Великой Отечественной войны стало десятикратно хуже: всю семью интернировали за Уральские горы, да и отца со старшими братьями и дедом Гельмутом на два года упрятали в лагерь. Дед там и погиб, а вот остальные родственники выжили практически чудом. В те времена, да и сразу после войны, немцам по национальности было непросто. Но именно в годы военного лихолетья Александр стал выбиваться из трясины произвола диктатуры.

Шестнадцатилетний парень сумел совершить свой первый подвиг на ниве знаний: поступить в Омский машиностроительный институт на кафедру химии. Помогли отменные, можно сказать исключительные, знания, покоровшие профессоров, принимавших экзамены. Хотя существенные трения из-за фамилии и происхождения с партийной ячейкой и представителями особого отдела возникали постоянно, но два года парень отучился блестяще.

Затем Саша, когда ему в сорок четвёртом исполнилось восемнадцать, настоял, чтобы учли его призывной возраст. Формальных причин отказать военкомат не нашёл, и вскоре молодой младший лейтенант оказался на фронте. И не просто отсиживался в тылах или прятался в окопах во время атаки, а воевал бесстрашно, мужественно, по-геройски. За свои подвиги успел в течение двух лет (в стаж вошла война с Японией) получить две медали и боевой орден. А также две контузии.

Затем была служба на границе с Китаем и, несмотря на мирное время, серьёзное ранение. Оно оставило хромоту на всю жизнь. Зато бой героя с нарушителями добавил Коху второй орден и офицерское звание старшего лейтенанта.

Александра комиссовали, но разрешили селиться и обучаться в любом городе, что для человека с фамилией Кох могло считаться благосклонностью фортуны.

Ордена и медали помогли. Как помогали и в дальнейшем пробиваться в жизни, в том числе и сохранить полученную от родителей фамилию. Всё-таки не раз Александру настойчиво рекомендовали сменить немецкую родословную на более созвучную русскому уху.

Отделялся он от таких советчиков просто, с убеждением, вполне искренне восклицая в духе времени: – Я – русский, советский человек! Делаю для своей Родины всё, что могу, и готов вновь проливать за неё кровь, а то и жизнь отдать.

Не помогало, показывал ордена. А если и это не действовало на злобствующих оппонентов, не гнушался пожаловаться и раздуть скандал. Выкручивался как мог, хотя непосредственного участия в рядах партии сумел избежать.

После списания из армии он вначале восстановился в прежнем институте Омска, а потом перевелся в медико-биологический институт в Новосибирске. И всего себя отдал геронтологии.

В дальнейшем жизнь Александра Коха, посвящённая проблемам старения человека и борьбы с этим, проходила под одним всеобщим девизом: «Нет ничего лучше, чем учиться и познавать новое». Великая мечта тоже имелась – узнать причины старения и победить их. Учился, работал, экспериментировал и снова учился. На личную жизнь не оставалось ни сил, ни времени. Наверное, поэтому учёный так никогда толком и не создал семьи. Своих детей у него, при нескольких последовательно сменяющихся жёнах, так и не появилось. Довольствовался многочисленными племянниками, их детьми и внуками. Зато стал мастером в своём деле, академиком, труды и заслуги которого признали многие учёные, ценили и цитировали другие светила данного направления. Особенно его выводы, идеи и концепции зазвучали, получили должное признание после окончательного развала Союза, когда капитализм в России вновь стал таким же обычным явлением, как и по всему миру. Талантливым учёным стало работать проще, проблемы с выездом за границу исчезли, и встречаться с зарубежными коллегами никто больше препятствий не чинил.

Увы, нет худа без добра. И наоборот. Лопнули все ассигнования на науку, целенаправленно разворовали все достижения, лучшие умы потянулись в более богатые, обеспеченные страны. Та же Германия слизнула все интеллектуальные сливки с наследства Советского Союза. В начале девяносто третьем немцы предложили выехать на всё готовое и Александру Свиридовичу. И он даже стал собираться.

Остановил его отец, которому в то время исполнилось девяносто три. Всю свою жизнь он посвятил истории, изучению древних языков, ещё конкретней – археологии. И, даже будучи в таком преклонном возрасте, не впал в старческий маразм, продолжал писать монографии, давать консультации по истории скифов и сарматов, на которой специализировался, вести научные исследования. При этом он тщательно следил за успехами сына-геронтолога. Можно сказать, был в курсе всех его побед, свершений, а также неудач или временных отступлений, и не раз любил повторять странную, непонятную сыну фразу из какого-то стихотворения.

– Твой час придёт во время расставанья...

Тайна раскрылась во время памятного разговора в девяносто третьем. Свирид Гельмутович Кох специально вызвал сына к себе, пригласил в домашний кабинет и начал с торжественного заявления:

– Я мог умереть раньше, но тогда ты бы получил своё наследство от меня вместе с завещанием. Я и после сегодняшнего дня могу умереть в любое время, которое не просрочит следующие три года. Но скорее всего я не проживу больше.

Александр Свиридович, уже сам проживший к тому моменту шестьдесят семь лет и очень любивший отца, только саркастически хмыкнул в ответ.

– Ты научился предсказывать будущее? Или решил дать себе определённую установку? Самогипноз называется.

– Нашёл кого учить! – проворчал отец с улыбкой и потянулся к нижнему ящику своего письменного стола. – Постарайся настроиться на серьёзный разговор. Вечно любишь ёрничать...

После чего с гроыханием опустил перед собой на стол этакую здоровенную блямбу с тиснёными на ней рисунками и значками какой-то письменности. Не идеальной овальной формы, примерно тридцать пять на двадцать пять сантиметров. Толщиной миллиметров пять и общим весом не меньше трёх килограммов.

Постучав по странной пластине костяшками пальцев, Свирид торжественно провозгласил:

– Реликвия нашего рода! Наследство от наших предков, которое я передаю тебе как потомку, наиболее близко стоящему к раскрытию великой тайны.

Сын проникся искренностью и пафосом слов отца, но вот гадать о самом главном стал издалека.

– Вроде как не похоже на золото...

– Ты прав, самая обычная медь. Хотя любой специалист моего уровня сразу определит предмет как «дарка€ну», родовую бляху-талисман, которая обычно делалась из бронзы и передавалась в одной семье из поколения в поколение. А сделанные тиснением надписи, на взгляд неискушённого человека, не могут нести какой-либо информации.

– То есть я бы мог преспокойно везти это через границу?

– Естественно. Эта реликвия пережила много обысков, краж и ограблений, но никто на неё не покусился и не заподозрил ценности всемирного значения.

– Даже так? – уже изрядно заинтригованный Александр потянулся к вещице. – Ну-ка, ну-ка...

Но старик поднятой ладонью остановил сына.

– погоди. Спешки особой нет, да и лишние мгновения жизни мне никогда не повредят. Не то чтобы я зубами держусь за свою жизнь, – слава богу, немало землю топтал, но вначале выслушай все подробности, а уже потом бери этот артефакт в руки. Потому что после этого, не поленюсь повторить ещё раз, мне останется жить не больше трёх лет.

– Ого! Прямо-таки артефакт? Мистика? Или самовнушение? – не удержался учёный-геронтолог от сарказма.

Отец пожал плечами:

– Это ты уже сам решаешь, как наследник и полный правообладатель. Но вначале я тебе зачитаю вот эти строки, написанные скифскими буквами. Подобное не смогут прочитать нигде в мире, потому что никто ещё не смог этого расшифровать или понять. Эти строки известны только нашему роду... Потому я и стал историком-археологом... Слова известны каждому наследнику, передаваемые из поколения в поколение, разве что я чуть-чуть подправил перевод в удобную для русского языка стихотворную форму. По первой строке стиха ты его помнишь давно, а целиком он звучит вот так:

Твой час придёт во время расставанья...

Унылой старости развеется печаль,

Лик смерти улетит в прозрачности мерцанья,

И новой жизни приоткроется вуаль.

Дождавшись реакции в виде одобрительного хмыканья, старик продолжил, тыкая пальцем в нижний край пластины:

– А вот здесь надпись: «От Аргунта – своим потомкам». Сразу даю информацию, что Аргунт – это последний царь скифов, живший в третьем веке нашей эры.

– Ага! Ты ещё скажи, что мы царского рода, – опять не удержался Александр от шуточного тона.

Отец на это и плечами пожал, и кивнул несколько раз, а уже потом приступил к изложению всей истории.

Письменных подтверждений не осталось, завещание передавалось от отца к сыну устно, поэтому вполне возможно, что в какой-то момент истории артефакт достался жестокому победителю или более ушлому прохиндею. Хотя так думать о своих предках некрасиво и неприятно.

Как бы ни было на самом деле, но Гельмут, отец Свирида, поведал именно так: все мы прямые потомки последнего царя скифов, у которого личное имя, данное ему в детстве и обозначавшее род, как раз и было Кох. Поэтому род должен сохранить его. А в особенности беречь медную пластину, передавая её самому

учёному из сыновей, дабы он постарался раскрыть великую тайну омоложения. При этом следовало учитывать, что при передаче наследства отец вместе с дарканой передаёт некую энергию своего тела и после этого не живёт больше трёх лет. Отец самого Гельмута Коха, как и его дед, погиб несколько раньше этого срока, да и он сам умер в лагерях на втором году после официальной передачи родового наследства.

Попутно с вольным переводом надписей, за века немного исказившегося, говорилось о самом главном: реликвия поможет сразить старость. То есть даёт обладателю возможность омолаживаться. Может, и сказка. Может – мечта. Но наверняка только по причине данного утверждения овальную пластину из меди берегли всегда пуще золота, бриллиантов, а то и собственной жизни. Потому что любой нормальный человек с возрастом начинал понимать: богатство – пыль! Прах под ногами! А вот вечная молодость – это высшее, самое желанное благо из всего сущего. Пусть оно и в виде неподтверждённой ничем мечты. Но оно в руках. Оно манит. Интригует! Греет сердце надеждой и сводит с ума!

Каждый обладатель в меру своих сил, умений и знаний пытался исследовать даркану. Проводились над ней обряды гадания, камлания и даже делались жертвоприношения. Если, конечно, верить дошедшим устным пересказам. Реликвию исследовали и в химических лабораториях. Носили к святым и аномальным местам. Напрягали фантазию, действуя совсем несуразно: спали с ней, носили повсюду, стояли на даркане на голове, капали кровью, лизали, покусывали и прочее.

Только перечисление проведённых предками воздействий заняло у Свирида Гельмутовича больше часа. Да и он лично в последние десятилетия, пользуясь своим положением и некоторым доступом в современные лаборатории, проделал невероятный объём исследований. Просвечивал, облучал, воздействовал целыми комплексами волн, средств и химических соединений.

Но в итоге – ничего. О чём он в финале своего рассказа и признался сыну.

– Никак эта штуковина со мной не заговорила. Ничем не отозвалась на мои призывы. Ни разу не содрогнулась от воздействия на неё кислотами и даже радиационным излучением. Потом еле отчистил... Честно говоря, разочаровался я в этом артефакте. И не совсем верю уже в его чудодейственность или исключительность. Но дальше всё в твоих руках.

На этом Александр Свиридович закончил повествование о той памятной беседе с отцом. С минуту посидел, припоминая и явно сражаясь с жуткой усталостью, одолевающей слабое детское тело. Затем продолжил уже о себе:

– На чём отец ещё настаивал, так это на утверждении: даркана лучше действует на пространствах своего создания. То есть на территории Великой Скифии. Вот по этой причине и потребовал от меня остаться в России. Как это меня самого ни удивляло, но я остался и несколько месяцев после этого довольно интенсивно занимался изучением данного мне артефакта. Уж мне-то казалось тогда, что с моими знаниями я быстро открою все его тайны. Только вот, увы и ах, мне тогда ничего ценного выявить не удалось. Постепенно мой интерес угас, закрутили дела, навалились другие проблемы, и мне стало казаться, что вся затея с наследством задумана отцом только ради одного – удержать меня в России.

Прасковья Григорьевна не удержалась от вопроса:

– Небось обиделся на него за такое?

– Нисколько! – вскинулся мальчик, зевнул, встряхнулся, прогоняя сон, и продолжил: – Скорей остался благодарен. Всё-таки жил я вполне нормально, обеспеченно, а к обладанию яхтами и салатницами с чёрной икрой я никогда не стремился. Ну и всё изменилось, когда истекло три года...

Отец прожил это время таким живчиком: подвижным, активным, не прекращавшим научной деятельности и обожавшим возиться с многочисленными внуками и правнуками. Но к определённой дате Свирид Гельмутович напомнил наследнику о сроке, призвал к себе, особо акцентировав на доставке дарканы. Тот прибыл с целой перевозной лабораторией, перенесённой родственниками в спальню старца. Последний день отец с сыном провели в беседах, откровениях и научных дискуссиях. Громко и слишком бурно старались не спорить, хотя отличия в некоторых взглядах всё-таки всплыли и были подвергнуты критике каждой из сторон.

А к точному времени учёный историк принял душ, оделся во всё чистое и улёгся на кровать. При этом настойчиво твердил Александру:

– Ты ничего такого не думай, я хочу жить. И настроен даже побороться с неизбежным. Если оно существует, конечно... Но в данный момент я отношусь к происходящему как к эксперименту. Мне самому жутко интересно, что получится. Тем более что чувствую я себя превосходно и уж до столетнего юбилея по всем своим анализам, исследованиям, тестам и утверждениям врачей всяко дотянуть обязан. Но... Посмотрим, что случится в час «X». Помнишь, во сколько ты впервые коснулся дарканы? Ровно в двадцать один час. Вот мы к этому времени и приближаемся. Поэтому давай, цепляй на меня свои липучки. А напоследок – укладывай артефакт мне на живот... Э-э-э... тяжело дышать-то! Давай лучше на ноги клади... вот так... И руку свою возложи на даркану. Вдруг нечто почувствуешь особенное.

Уже к тому времени, будучи академиком, младший Кох только посмеивался над папашей, шутил по поводу происходящего и утверждал, что когда этот балаган закончится, они обязательно себе позволят по рюмашке водочки. Историк-археолог на это тоже отвечал смехом, добавляя, что ради такого случая он и две рюмочки тяпнет. Крепкий был старик, позволял себе грамм сорок лучшей водки на большие праздники, раз в квартал.

Будучи всё-таки учёным до мозга костей, истинным поклонником науки геронтологии, Александр прихватил с собой всю возможную для транспортировки аппаратуру, приборы, устройства, осциллографы и самописцы. Не верил, что они пригодятся и что-то зафиксируют, но прихватил. Установил. Подключил. Опутал отца присосками и датчиками. Уложил пластину, как того и потребовал родной человек, и постарался в последний момент отвлечь отца от мысли о возможной смерти. То есть попытался сбить установку, самогипноз или что там было на самом деле. Знал, что это здорово помогает, уже накопилось достаточно подобных фактов и наблюдений. И чем поразить папеньку, продумал заранее. Как заранее простил себе и ложь во спасение.

– Ты знаешь, что мне придётся в очередной раз жениться?

– Как это? С какой стати? – поразился Свирид Гельмутович.

– А с такой! Помнишь мою ассистентку Галину, которая тебе ещё очень нравилась, но у нас с ней как-то не сложилось и до регистрации брака не дошло?

– Помню...

– Так вот у неё от наших встреч остались не только воспоминания, но и... дети!
Двойня у меня!

– Ух ты! – Глаза старика засветились восторгом. Тем более что он больше всех переживал, что у единственного из всей огромной семьи ребёнка не было своих детей.

Вот с этим восторгом в глазах Свирид и умер.

Причём умер более чем странно. Сердце, пульс, мозг перестали функционировать одновременно, словно их отключили неведомые и невидимые силы. Легкие замерли на вдохе, глаза широко раскрылись, да так и остекленели. Пальцы, державшие руку сына, взялись моментальным трупным окоченением.

Приборы зафиксировали полный отказ всех органов.

Что ощутил Александр, кроме ужаса, скорби и недоумения – так это импульс горячего тепла, осязаемого ладонью, лежавшей на даркане.

Иначе говоря, артефакт, реликвия древнего скифского рода доказала свою исключительность, таинственность и некую могучую силу, в ней живущую.

Вот с того самого часа жизнь геронтолога Коха изменилась кардинально. Он все свои силы и возможности, умения и знания посвятил только изучению доставшегося ему наследства. Конечно, делал он это, стараясь сохранить все свои действия, намерения и ожидаемые результаты в строжайшей тайне.

– Наверное, не получилось с тайной-то, – досадовал мальчуган, уже обеими ручонками растирая красные от усталости глаза. – В одиночку нельзя объять необъятное. А родственников я банально побоялся в это втягивать. Иначе могли пострадать. Да и шантажировать меня могли племянниками и их внуками. Поэтому пришлось со всеми показательно и напрочь разругаться, сделаться мизантропом и всеми презираемым отшельником. Но всё равно что-то прорывалось наружу, достигало ушей посторонних. И пусть меня считали выжившим из ума фанатиком, кое-кто держал мои изыскания на контроле. Да и с охраной, помимо всех моих отказов, пришлось мириться. Благо что накопленные средства позволяли, а самому следить за обстановкой вокруг не было никаких возможностей. Предпосылки ведь были, грозная атмосфера сгущалась всё

больше и больше...

- Потому и решили тебя убить? - ахнула Прасковья.

- Нет, вначале попытались меня купить. Со всем. С потрохами. Слишком уж желанной показалась толстосумам курочка, несущая молодильные яички. Хуже всего, что предложения поступили сразу от пяти заинтересованных сторон. Но каждая из них меня не устраивала, - последнее слово перешло в такой затяжной зевок, что малец чуть себе челюсть не вывихнул, после чего мотнул головой и со слипающимися глазами пробормотал: - Но это уже другая история... И я больше не могу... Засыпаю...

Пришлось одинокой старушке чуть ли не на руках нести ребёнка к кровати и укладывать спать. Но, глядя на заснувшего гостя, она больше и мысли не допускала, что сейчас бросится к соседям и начнёт поднимать тревогу.

Верилось в услышанное с трудом. Но уж слишком хотелось в это верить.

Глава 4

Печальные итоги

Полковник Байкалов отчитывался перед людьми, с которыми предпочёл бы вообще никогда не встречаться. Тем более при таких обстоятельствах. Стоял навтыжку как пионер и отвечал на вопросы. А перед ним вольготно, за столом, располагались три человека. Председатель госбезопасности, который издавна недолюбливал полковника. Советник президента и куратор по силовым вопросам, возможности которого позволяли лично, прямо здесь пристрелить командира спецназовцев. Ну и некий теневой кардинал при свите президента, олигарх, редко светящийся на публике, владелец всего и вся, господин Тьямов. Обращаться к себе по имени-отчеству, и уж тем более по имени, он запрещал.

И хуже всего, что научный консультант, Сергей Сергеевич, присутствовавший на проваленной операции, тоже находился в помещении. Он сидел за спиной полковника, и по его лицу можно было прочитать отношение к каждому

неверному действию командующего всей операцией. Однако репликами он тоже не гнушался и втапывал силовика в грязь и пучину валящихся на голову неприятностей.

Про себя Байкалов даже пообещал: «Только представится возможность, зашибу эту гниду или хотя бы подставлю по-крупному! О, как топит меня, гадёныш!..»

Тот действительно изгалялся, чуть ли не матерясь при этом.

– Ни одного подтверждения о том, что работники охранного агентства были предупреждены о штурме бандитских формирований, так и не нашлось. Оставшиеся в живых подчинённые полковника о предупреждении ни слухом ни духом. Все остальные – трупы. А единственная живая свидетельница, телохранительница академика, слишком легко и просто сбежала по пути в госпиталь. О чём это говорит?

– Вы о чём, Сергей Сергеевич? – внешне полковник держался ровно и спокойно. А своё презрение к консультанту выражал тем, что даже не повернулся в его сторону. – О побеге раненой или вы пытаетесь меня и в этом сделать виноватым?

– О том, что вы не предупредили охрану академика!

– Неправда. Как раз все факты говорят о том, что предупредил. Именно поэтому работники агентства весьма грамотно встретили свалившихся им на голову террористов. Не понесся потерь в своих рядах, они уничтожили пятерых из числа нападавших, ранили шестого и уверенно держали всю ситуацию внутри квартиры под своим контролем. О заминированной двери никто из наших ребят не знал и не догадывался. В этом грубейшая недоработка общей разведки, предоставившей нам данные перед операцией. Иначе мы бы учли и такой вариант событий.

– А кто мог заминировать и когда? – процедил сквозь зубы теневой кардинал.

– Минёр опознан нами впоследствии по следам пластиковой взрывчатки в карманах его одежды. Вся последовательность событий восстановлена. Первый из бандитов, поднявшихся по лестнице, стал быстро минировать дверь сразу после взрыва потолка и первых выстрелов. Видимо, он это делал на

непредвиденный случай, при этом надеясь, что дверь откроют изнутри. Но только успел вставить взрыватель, как единственный уцелевший боевик в группе прорыва задействовал дистанционный взрыватель изнутри квартиры. Минёр погиб, но бронированная дверь оказалась открыта. В квартиру академика ринулись сообщники преступников, которых мы намеревались перехватить и разоружить в подъезде.

– Разоружить?! Двадцать человек?! – опять возмутился научный консультант. – Это вам казалось простым и обыденным делом?

Полковник держался изо всех сил, внешне не показывая своего бешенства.

– Это тоже недоработка общей разведки и аналитической группы, предоставившей нам данные по бандитам и их главному организатору.

– И тут разведка виновата? – нехорошо улыбнулся господин Тьямов. – Объясните, полковник.

– Готов. И сразу начну с того, что любые бандитские формирования подобного толка всегда работают в рамках определённых правовых и моральных норм. Им всегда выгоднее сложить оружие и сдаться, когда они видят, что работает ОМОН. И уж тем более когда их жёстко прессуют бойцы специальных подразделений. В противном случае между противоборствующими сторонами начинает действовать негласная договорённость: око за око. Наши бойцы в таком случае не берут никого в плен, зачищая всех.

Председатель госбезопасности позволил себе ухмыльнуться:

– И это говорит командир боевого, ещё недавно лучшего подразделения?

– Господин генерал-лейтенант, я говорю то, что вы и сами прекрасно знаете.

Такой бесстрашный ответ понравился советнику президента. Он еле заметно улыбнулся и стал уточнять:

– Ну и почему операция вышла за те самые, упомянутые вами «моральные рамки»?

– Оплата. Как показали экспресс-допросы нескольких раненых, только суммы уже выплаченных боевикам авансов зашкаливали все понятия реальности. Подобные деньги выдаются только смертникам, и они заранее соглашались с любыми грядущими осложнениями. А тут они получили ещё в несколько раз больше. И это – только аванс. В случае героической гибели боевика обещалась двойная премия, которую передадут его родственникам или наследникам. А некоторые отчаявшиеся типы за стократно меньшую оплату готовы идти на смерть ради обеспечения своих близких. Вот по этой причине и поднялась ожесточённая стрельба, во время которой бандиты превратились в берсерков. Ко всему прочему разведка не предоставила полных данных обо всех участниках налёта, многие из которых были наняты Лавсаном за пределами Москвы и доставлены к месту событий буквально за пару часов до их начала.

Господин Тьямов покрутил перед собой пальцами, словно выкручивал лампочку, и сместил тему разговора.

– Тогда скажите, Байкалов, почему не удалось арестовать Лавсана?

– По этому вопросу лучше обращаться к тем, кто пытался арестовать этого Доброго Потрошителя, – предложил полковник и напомнил: – Меня к тому моменту уже отстранили от командования.

– Понимаю. Но нас интересует ваше личное мнение. Так сказать, неофициальное.

– Всё просто – босс преступников сразу получил сообщение от своих подручных, правильно проанализировавших вмешательство третьей силы, и успел скрыться с места своего пребывания до начала штурма его логова.

– Но подручные не имели прямого контакта с боссом. Только...

– Правильно! – опять невежливо встрял в разговор научный консультант. – Контакт имел Бурый! Он и доложил Лавсану о провале операции. Тогда как Бурому преднамеренно дали преспокойно скрыться с места событий. И в этом тоже виноват полковник, не давший команды к аресту старшего среди боевиков.

Байкалов позволил себе тяжело вздохнуть и закатить глаза в притворном возмущении.

– Будь моя воля, я бы упредил атаку боевиков, начав их арест и уничтожение, как только они стянулись во внутренний двор. Но приказ у меня имелся строгий и однозначный: только после начала бандитских действий. Что касается Бурого, то он тот ещё перестраховщик. Скорей всего просто на всякий случай сменил точку дислокации, это его и спасло. Наверняка и племяннику своему, по кличке Паровоз, дал своевременную команду отхода. Вот тот и скрылся с места преступления вместе с подельником по кличке Наркуша. По поводу всего остального, что произошло после вмешательства в бой неизвестных снайперов, у меня тоже имеются определённые соображения.

– Ну так выкладывайте их! – приказал председатель госбезопасности.

– Мне кажется, за всей операцией велось пристальное наблюдение. И когда цели не были достигнуты и это стало понятно, началась всеобщая зачистка, под метлу которой попали все без исключения. Скорей всего и самого академика Коха при этом решили уничтожить. Возможно, его уничтожение планировалось изначально.

– Ага! – оказался больше всех заинтригован господин Тьямов. – То есть в самом центре событий находился некий человек, который своевременно передавал...

– Постоянно передавал!

– Даже так? И кому передавал?

– Тому, кто дал команду снайперам открывать огонь на поражение.

– Кто-то из ваших людей?

– Исключено! – твёрдо заявил Байкалов. – Люди проверены не раз, да и половина полегла в этой бойне. Я сам чудом остался жив. Так что любой из нас хорошо себе мог представить все последствия зачистки и никогда бы на такое не пошёл.

– Тогда кто предатель?

– Ручаться не могу, только предполагать, – полковник попытался многозначительно скосить глазами в сторону, намекая о нежелательном

присутствии. А потом и прямо заявил: – Мне был навязан посторонний человек, которого мы даже не обыскали. И у него вполне мог находиться включённый телефон, передающий всё, что происходило во временном штабе операции.

Научный консультант, возмущённый таким наглым наездом, вскочил на ноги и закричал: – Что вы себе позволяете, полковник?! Я – учёный! Меня ваша грязь и ваши инсинуации никак не касаются!..

Не обращая никакого внимания на крики, полковник доверительно продолжал:

– Если боевикам выплатили такие невероятные суммы аванса, то сколько стоит какая-нибудь умничающая штафирка?

– Что-о-о?! – надрывался учёный. – Тогда вы сами, полковник, скорей всего куплены с потрохами! И сами предали своих подчинённых!

На прозвучавшие обвинения тот лишь скорбно развёл руками, утверждая:

– Я чист. Следствие это докажет.

Троица за столом переглянулась между собой, и советник президента попросил:

– Сергей Сергеевич, оставьте нас и немножко остыньте в приёмной.

Было хорошо заметно, что слово «пожалуйста» не прозвучало. Но ослушаться такой просьбы и таким тоном научный консультант не посмел. Булькая и ворча от негодования, он покинул кабинет.

Тут же председатель госбезопасности удвоил строгости в голосе:

– Ладно, полковник, от неприятной вам штафирки вы избавились. Давайте теперь окончательные выводы, которые вы решили скрыть даже от предварительного следствия. Кто прислал снайперов? И чего они добивались?

– Чего добивались? – взгляд Байкалова стал тяжёлым и озлобленным. – Судя по тому, как снайперы расстреляли всех наших раненых и сожгли два автомобиля «Скорой помощи», они особенно опасались тайной эвакуации раненого

академика. Или его эвакуации под видом раненого. Поэтому уничтожали контрольными выстрелами всех, кого даже с огромной натяжкой можно было принять за Коха. Ну а кто прислал?.. – и только после тяжёлой паузы признался: – Основные силы снайперов ушли грамотно. Взять их не смогли по причине огромных потерь среди наших. Судя по паре трупов, которых мы щёлкнули чисто случайно во время их отхода, в нашей стране работала спецслужба наших древних врагов. Тем самых, с оксфордским акцентом.

Господин Тьямов всё-таки уточнил:

– Вдруг это кто-то из «наших товарищей» решил вмешаться? И оплатил отряд снайперов из другой страны?

– Сомневаюсь. Суммы на это уйдут просто астрономические. А для чего? Чтобы уничтожить академика? Чтобы его труды не достались нашей стране? Тогда дешевле было организовать вывоз самого учёного и всего, что его окружает. Чем занимался академик, мне известно в общих чертах. Работы, ведущиеся в этом направлении за рубежом, мы тоже анализировали. Но вывод напрашивается только один: сделанное Кохом открытие уже продублировано, развито и запущено в жизнь. Ну а чтобы у нас такого не возникло, гения-конкурента убирают. Пока вокруг него всё было тихо, за ним просто следили. Но как только обстановка резко накалилась, решили старика убрать.

Трое за столом вновь переглянулись, и председатель приказал:

– Полковник, спасибо за откровения. Отправляйтесь обратно в следственный отдел!

Когда тот вышел, председатель обратился к секретарю президента с досадующими нотками в голосе:

– Вариант с удачными разработками по омоложению у англичан ваши аналитики не отработали. Просчёт! И очень большой.

– Сейчас же отдам распоряжение! – решил секретарь, озадаченно мотая головой. Только вот господин Тьямов раздражался совсем по иному поводу.

– Да начхать на тех англичан и скрывшихся снайперов! Вы мне ответьте: куда пропал академик? Немедленно! В первую очередь! А уж потом, куда сбежала его телохранительница Вера! И с какого бодуна её все величают по имени-отчеству? Тоже мне Павловна нашлась!.. Почему словно сквозь землю провалились Бурый, его племянник Паровоз и какой-то там Наркуша? Про залегшего на дно Лавсана вообще не говорю! Люди его величины так просто спрятаться в подполе какой-то дачи не могут. Где они все? Где прячется старик, который толком уже ходить не может? Хромает со времён Второй мировой, а сбежал? Как?! Куда?!

В повисшей после этих восклицаний тишине стало отчётливо понятно, кто верховодит на данном совещании. Да и главное лицо госбезопасности пусть косвенно, но признал это. Потому что слишком жалко и неуверенно прозвучало его обещание:

– Будем искать.

Глава 5

Без легенды никуда

Степень усталости детского организма измеряется атакующими его болезнями. Как только дитё ослабнет – оно заболевает. Если перенапряжение будет слишком большим, ребёнок вообще может умереть.

Эту истину лишний раз подтвердил – а может, и опроверг? – гость Прасковьи Григорьевны, спавший с краткими перерывами почти трое суток. Только и вставал, чтобы напиться, поесть наспех, облегчиться и вновь привалиться головой на подушку. Да и температура постоянно держалась на отметке тридцать семь и пять. То есть ещё и недуг какой-то имелся, с которым организм пытался справиться самостоятельно.

Чего уж там, открывая глаза, Александр Свиридович пытался бодриться, настроить себя на движение.

– Вот сейчас как начну приседать!.. Да как начну отжиматься...

Затем три глотка воды, две ложки каши, и... глаза уже закрыты. Радовало хозяйку только одно: что жара не было и ребёнок ел. В охотку ел, пусть и мало. Потому и просыпался, что организм требовал необходимый минимум, получал его и опять успокаивался во сне.

О том, чтобы сходить к соседям и поднять тревогу, Козырева и не помышляла. Только и выбралась в магазин второго дня, принесла в рюкзачке свежего хлеба, масла, сахара, овсянки и колбасы двух сортов. Большой груз нести не смогла. И так пришлось несколько раз присесть на завалинки и отдыхать. Да и когда в последний раз столько волокла, не могла припомнить. По правде говоря, сомневалась, что донесёт, придётся кого-нибудь уговаривать из встреченных поселчан.

Но дошла. Потому что силы какие-то прибавились и странная болезненная одержимость. Потому что дома ждало живое чудо, одним только своим видом разжигая в душе тлеющий огонёк надежды. Хотелось верить. Очень хотелось верить, что мальчик обещал помочь не просто на словах. Живой пример превращения старика в ребёнка, причём с полным сохранением памяти и знаний, будоражил сознание, вызывал оторопь и заставлял мечтать о несбыточном.

Всё это вместе взятое и давало старушке, успевшей уже смириться с неизбежностью смерти, всплеск физической активности. Сладкое и желанное словосочетание «новая жизнь» манило, заставляло трепетать сердце и готово было толкнуть на любые подвиги или безрассудства.

Когда ребёнок наконец-то выспался, то заявил о своей полной боевой готовности и бодро отправился умываться. А по возвращении в горницу его встречал празднично накрытый стол. Расшитая цветами скатерть, салфетки, дорогая посуда. А как живое украшение – принарядившаяся хозяйка дома. Глядя на неё, Александр не удержался от комплимента.

– Прасковья Григорьевна! Да вы уже помолодели лет на десять! – хихикнул и добавил, усаживаясь за стол: – Если так дальше пойдёт, то к концу лета внешне от меня по возрасту отличаться не будете.

Хозяйка дома пока ещё не слышала секретов и способов омоложения, поэтому озадачилась.

– Никак оно просто прикосновениями передаётся?

На это наивное высказывание мальчик заливисто рассмеялся и с минуту не мог успокоиться. Зажатая в руке ложка помогла стать серьёзным.

– Нет, омоложение – не заразно. Увы! Не грозит такое счастье человечеству. Да и не факт, что оно стало бы счастьем в таком случае.

Последние слова он выговаривал, захлёбываясь слюной и зачерпнув ложкой ароматного борща. А потом начал есть так, что за ушами трещало. Лишний раз подтверждая житейскую истину: растущему организму надо вдвое больше, чем взрослому.

Прасковья и сама чуть клюнула за компанию. Но больше просто любовалась ребёнком да краснела от изредка прорывающихся сквозь стук зубов комплиментов своему кулинарному искусству. А чтобы не молчать, делилась сельскими новостями, прихваченными накануне в магазине.

– Старики жалуются, что почту на два, а то и на три дня позже стали приносить. Председателя у нас опять сменили – старый-то совсем спился. Зато в городе порядок полиция навела строгий, всех воров и бандюков ловят, аж дым стоит. Говорят, что облавы устраивают, каких со времён Сталина не устраивали. Да и нашему участковому обещали помощника прислать. Хотя чем они вдвоём тут будут заниматься? Ума не приложу. Одному тут делать нечего... Разве что пьянствовать вместе?.. У соседки за взгорком недавно отелившаяся корова стала много молока давать, так оно на продажу идёт. И мне предлагала, вплоть до того, что внук будет каждое утро приносить сам, да я насторожилась. Знают ведь, что я сама молока не пью, а сырами перестала заниматься, как вышла на пенсию. И хоть для тебя, Александр, не мешало бы взять, но не стала. Разве что причину какую найти?.. Например, что всё-таки сыр собираюсь делать? Да особого творога немного...

Сделав паузу, едок вытер рот салфеткой и спросил:

– Сыр? И вы его умеете делать?

– Как раз только я одна во всей округе и умею, – похвасталась хозяйка. – По наследству знания перешли, от деда и бабки. Они ещё при царе знаменитые

Козыревские сыроварни держали, на весь край славились своим производством. Да и я последние десять лет своей трудовой деятельности провела на посту директора сыродельного комбината.

- Вон даже как? Интересно было бы и вашу семейную историю выслушать...

- Длинная она и слишком печальная, - пригорюнилась старушка, враз осунувшись и посерев лицом.

- Но это ещё успеем! - Александр постарался вернуть собеседницу к прежнему хорошему настроению. - У нас ещё всё впереди! А вот с сыром... Хм! В самом деле хочется. Люблю я его. Да и за вареники с творогом - душу любому ангелу отдал бы!

- Ангелу? - развеселилась и Прасковья. - Как ты ловко от плохих слов ушёл-то! Никак в бога веришь?

- Нисколечко и ни капельки. Материалист я до мозга костей. Но именно поэтому уверен, что мысли материальны и первичны. А уж выражения вслух - тем более. Начинает человек всякую мразь да нечисть в своих словах поминать - вот и пошла его жизнь под откос, здоровье на слом, сознание - в низость, ханжество и зависть. А живёт человек красиво, думает о светлом, говорит о хорошем - вот и дышится ему легко. Вот и радуется он всему миру и живёт счастливо.

- Правильно говоришь, хи-хи! - Неожиданный смешок свой тут же постаралась объяснить: - Еле удержалась от слов: «Хоть и мал ещё!»

Шестилетний академик тоже развеселился.

- Мал золотник, да дорог! Я в том смысле, что все мои знания при мне остались. А это, согласитесь, немаловажный фактор. Мозг-то у ребёнка - намного меньше по размеру, чем у взрослого. Про объёмы памяти - вообще молчу. А вон оно как всё удачно в черепную коробочку уместилось, - сделав ещё один глоток компота, Александр шумно выдохнул: - Уф! Тогда как про объёмы желудка похвастаться не могу. Сейчас лопну!.. Или мне дурно станет...

- Так ты просто посиди. Или прилёт бы!

– Вряд ли дойду, расплескаю... Хе-хе! Но, возвращаясь к нашим баранам... Точнее – к сыру. Мне – с сегодняшнего дня, и вам, Прасковья Григорьевна, – вскоре понадобится очень интенсивное, высококалорийное питание. Это – обязательная плата за кардинальную перестройку всего организма, иначе говоря, за омоложение.

Старушка замерла на вдохе и еле слышно прошептала:

– Уже?... И со мной началось?..

– Ничего ещё не началось. Да и не всё так просто... – смешно было наблюдать, как шестилетний ребёнок по-стариковски озадаченно чешет в затылке. – Хотя бы в плане легенды мы должны всё заранее продумать, подготовить, сообщить кому следует и настроить общественное мнение.

Заметив во взгляде хозяйки полное непонимание, приступил к подробному изложению планов, начиная с примера:

– Вот что подумают односельчане вместе с участковым, если на месте престарелой женщины вдруг окажется молодая тётка и совсем ещё юный отрок?

– Тётка? – уже явно недоумевала Прасковья. Но потом сумела связать это с омоложением и нервно кивнула. Но теперь её другое смущало: – А отрок откуда возьмётся?

– Долго и нудно объяснять технические подробности. В двух словах: у меня при парном преобразовании, которое называется «омоложение на встречном курсе», есть возможность немножко повзрослеть. Но сейчас важно другое. Если вместо нас нынешних здесь появятся другие люди, то участковый ни минуты не будет сомневаться в совершённом преступлении. Дескать, бабушку упокоили и где-то в лесу закопали. Так ведь получится?

– Мм... Ну-у-у... может, и так.

– Поэтому надо залегендировать заранее смену обитателей. Ещё лучше документально подтверждённую. Нет ли у вас, Григорьевна, какой-нибудь молодой родственницы лет тридцати трёх на вид с сыном лет четырнадцати-

пятнадцати?

– Да как не быть, – перешла хозяйка на бормотание, в задумчивости массируя виски указательными пальцами. – Самой бог детей не дал, зато сестра с братом на потомство оказались плодовитые. Да и со стороны кузенов родственников хватает...

– Почему тогда сами без догляда живёте? – последовал закономерный вопрос.

Оказалось «как всегда» и «как везде» в наше суматошное урбанизированное время. К бабке Прасковье все вроде хорошо относились, даже звали в город жить с ними, советуя продать добротную усадьбу и забыть про неё. Сами же никто в глухомань ехать не собирался. И если в прошлые десятилетия частенько наведывались, хотя бы в летнее время, то в последние пять лет только единожды внучатый племянник заскочил. Приехал с друзьями своими на авто, поплевал в расстройстве по сторонам да и заявил: «Хороша хибара! Но из-за глухомани никому и даром не нужна!» И в тот же вечер уехал, даже на ужин не оставшись.

Чем невероятно Прасковью обидел, расстроил и разочаровал. После этого вся связь с родственниками свелась к поздравительным открыткам, которыми с ней переписывались сестра, старший брат, один племянник и самая старшая племянница. Хотя фотографий в рамках на стенках горницы висело видимо-невидимо.

Вот эти фотографии старушка и рассматривала внимательно, повествуя о родственных отношениях, после чего обобщила:

– Родственниц мы найдём, любого возраста. Как и отроков... А вот где мы им документы возьмём? Ребёнку-то ладно, а вот взрослой женщине положено с собой паспорт носить. Тем более в дальней дороге, да уезжая надолго...

Саша кивал вроде грустно, но отвечал с оптимизмом:

– Ерунда какая! А то женщина не может забыть паспорт, даже отправляясь за границу? Имелась у меня одна супруга, так два раза сумела учудить подобное. Еле прислуга успела на такси документы в аэропорт привезти. Главное, наглей себя вести во время проверки и ничего не бояться. Ну и вдобавок надо

придумать страшные варианты. С тем же участковым, например... Есть у вас фотография времён тридцатилетнего возраста? Или кто из внучек или племянниц с этих фотографий на вас тогдашнюю похож?

– Вроде как все похожи, все красавицы! – с гордостью заявила старушка. Затем встала и двинулась к ближайшим фотографиям. – Но давай вместе решать, какая нам лучше всего подойдёт...

И сообщники приступили к оживлённому обсуждению.

Глава 6

Всегда на посту

Село Малиновка, несмотря на своё сочное манящее название, вымирало. В последние годы население неуклонно уменьшалось за счёт сносимых на кладбище стариков. Из молодёжи в город уже никто не сбегал по причине полного отсутствия той самой молодёжи. Если и были дети, бегающие порой ватагами по улицам, то лишь благодаря лету. Потому что на лето некоторые уроженцы этих мест подкидывали внучат своим родителям, давая детворе выгуляться на свежем воздухе.

Но ладно ещё мелочь пузатую, а старших школьников родителям всё чаще приходилось привозить буквально силой. Не хотели дети здесь отдыхать. Интернет еле-еле ползёт, мобильная связь тоже почти отсутствует. Кинотеатров нет, спортивные площадки возле развалин школы тоже порушены. Ни речки рядом, ни путёвого озера, ни каких-то скал или пещер интересных, – ничегошеньки! А здоровой пищей без вредных добавок и химикатов подрастающее поколение пока не заморачивалось.

Вот и вымирало село, в последние годы даже летом радуя пасторальной тишиной и полным спокойствием.

Участковый пенсионного возраста Горбушин особенно удивился, когда ему позвонили по телефону из района.

– Игорь Леонидович, жди послезавтра или максимум дня через четыре помощника. Точнее говоря, временного стажёра.

– Да на кой он мне? – возмутился участковый, никогда не отличавшийся вежливостью или повышенным пиететом к начальству. – Коров пасти? Или ради галочки присылаете? Нынче будущие полицейские таким макарон стаж патрулирования копить начинают?

– Леонидыч! Ты не хама, а чётко выполняй все распоряжения! – пустилось в наущение начальство. – Сам должен понимать, насколько положение в государстве напряжённое. Сейчас все силы бросаются на искоренение преступности. Слышал, что премьер вчера говорил во время своего выступления?

– Дык... вроде всё верно баял...

– Вот и проникайся духом времени. Тем более мы тебе не коллегу даём в стажёры, а человека военного, курсанта, будущего офицера.

– Ну, это вообще...

Договорить возмущённому Горбушину не дали.

– Так надо! Негласно приказано провести полную перепись населения. А то статистические данные, которые даются Госкомстатом, несколько далеки от действительности. Вот и даётся тебе молодой парень, который быстро оббежит все дома твоего участка, проведёт перепись, переговорит с гражданами, а ты только потом просмотришь собранные данные, стараясь отыскать неточности и упущения. Если что не так, уже сам проедешься к нужному дому и проведёшь сверку. Понял?.. И это я не спрашиваю – приказываю готовиться. Вопросы будут?

– Тоже не спрашиваете?.. Ладно уж, шлите своего курсанта, погоняю я его.

После такого разговора старый страж правопорядка остался не столько злым, сколько озабоченным. Но, обзвонив нескольких своих коллег, старых приятелей, работавших сравнительно по соседству, успокоился окончательно. Байду с негласной переписью населения втирали всем, а в помощники навязывали даже

таких курсантов военных училищ, которые только-только были зачислены в воинские учреждения.

«Всё понятно, ищут кого-то! – решил опытный участковый. Да так ищут, что всю страну решили на ноги поставить. То есть уровень преступника не иначе как мирового значения. Или не преступника? – чутьё подсказывало, что и такое могло быть. В истории всякое случалось. – И ведь явно что-то такое случилось в последние два, максимум три дня. Ну-ка я ещё раз хорошенько присмотрюсь к тем ориентировкам, которые вчера и сегодня утром привезли...»

В последней почте портретов и фотороботов насчитывалось десять штук. Три из них Горбушин отбросил сразу. Обычная уголовка, ничем не связанная между собой и местом преступления. А вот семеро остальных сразу бросались в глаза местом запроса – Москва, – и фразой: «Объявлены во всероссийский розыск». Подобной чести редко кто удостоивался. А тут сразу семь человек!

Со стариком, женщиной и ребёнком лет шести вообще было всё непонятно. Старик, знаменитый академик, вышел прогуляться из дому и не вернулся. Бывает при болезни Альцгеймера...

Женщина... Похоже, что сама сбежала. Вполне возможно, что от мужа. Такое вообще сплошь и рядом.

А вот ориентировка на ребёнка – самая странная. Фотографии нет – мол, родители не фотографировали никогда. Фоторобот – ничего конкретного, дитё как дитё. А вот о психическом состоянии очень много: скрытный, нервный, не доверяет посторонним, способен на неадекватные поступки. При задержании рекомендуется действовать как против опасного, хитрого душевнобольного мужчины.

«Нонсенс? Натуральный! Как они себе представляют поимку таких детей? – негодовал участковый. – Да если по всей стране начнут таких малышей вылавливать, от родителей или от бабки на три метра отставших, то бунт воцарится почище Октябрьской революции. Совсем они там припухли, рассылая подобные ориентировки? Или всё это связано между собой, и мальчугана похитили? Тогда почему сразу не сказали? Да на тех же уголовников не ткнули пальцем?..»

Ибо виновники предполагаемого похищения выделялись сразу в виде оставшейся четвёрки объявленных в розыск преступников.

Первым в списке следовало поставить мужчину пятидесяти восьми лет, главаря организованной преступной группировки, носящего кличку Лавсан. Имелись и все остальные данные на этого человека, как и отличные фотографии. Но, глядя на них, Игорь Леонидович лишь саркастически хмыкнул:

– Ни в жизнь не поверю, что такая фильдеперсовая сволочь в Малиновку скрываться ползет! Да ещё со своими подручными...

Потому что трёх мужчин он сразу записал в подручные главаря. Да и в ориентировках это не скрывалось. Давались клички, особые приметы, перечислялись умения, род прежней деятельности. Среди них интерес вызвал Бурый, который в начале своей деятельности работал участковым. А Горбушина всегда интересовали бывшие коллеги, вставшие на дорожку преступлений. Он всегда старался понять, что двигало и движет такими людьми. Что заставило их стать гнидами и моральными уродами? Как им вообще совесть позволяет существовать среди нормальных людей?

Следующий громила по кличке Паровоз ничего, кроме презрения, не вызвал.

– Тупой шкаф, возомнивший себя пупом земли.

А вот некий молодой мужчина по кличке Наркуша заинтриговал участкового больше всех. Слишком сильна у него была память на лица, не раз помогавшая по службе и сейчас вот выхватившая в фотографии что-то знакомое. Когда-то и где-то это лицо уже встречалось Горбушину. И он впал в некую прострацию, перебирая сцены в своей жизни и пытаясь припомнить, где он с этим Наркушей сталкивался.

Что он не житель Малиновки – сомнений не возникало.

Узкое лицо, прищуренный подозревающий взгляд. Гладко выбритые щёки на одном фото и лёгкая щетина – на другом...

«О! Точно! – потянул за нужную ниточку Игорь Леонидович. – Этот тип тогда выглядел ещё более заросшим! Теперь бы только не выпустить его образ из сознания...»

В голове крутился ещё один смутный образ – того, с кем Наркуша был. С кем же именно?

Последующие десять минут полной концентрации ничего не принесли.

Мало того, разгадка не пришла и в последующие три дня. Настолько сложной и заковыристой оказалась. Но это нисколько не мешало размеренной текучке дел. Тем более что обещанный помощник-стажёр пока так и не добрался до села. Что не столько нервировало, сколько успокаивало. Хлопотливая перепись населения откладывалась, а там, глядишь, и вовсе будет похоронена начальством.

На четвёртый день Игорь Леонидович вновь засел у себя в кабинете и продолжил свою поисковую нирвану. А в аккурат за два часа до обеда и принесла нелёгкая посетителя, сбившего весь рабочий настрой. Вернее, посетительницу, от которой никак не открестишься. Она и не стучала, сразу хозяйски дверь открыла и подошла к столу со словами:

– День добрый, Леонидыч! Хорошо, что тебя застала, и так еле хожу... – она шумно уселась на стул, вытягивая уставшие ноги, а рюкзачок поставила на пол. – Не застала бы, пришлось бы тебя к себе приглашать, оставив записку. Но раз ты на месте...

Прасковью Козыреву участковый знал хорошо. И хоть выглядела она мило и считалась местной долгожительницей, относился к ней двояко. Преклонялся за прошлые заслуги, но сильно её недолюбливал за нынешние фокусы. Вредная старушенция, въедливая, своего не спустит и правды добьётся, несмотря на дряхлую внешность типа: «Упаду – не встану!»

«Опять небось на незаконных порубщиков жаловаться пришла? Возле леса живёт, излишней дальноркостью страдает и повышенной совестью. Раньше, пока поживей была, чуть не каждый день прибежала. Коза!.. И вот как ей объяснишь, что сельчане не от хорошей жизни за топор берутся? Не у всех ведь пенсии повышенные, которых и на ремонт дома хватает, и на уголь привозной».

Но пролетавшие в голове мысли участковый попытался упрятать поглубже и улыбнулся по приветливей.

– И тебе хорошего дня, Григорьевна! – обращался специально на «ты», копируя её же обращение к нему. – С чем пожаловала? Как и все остальные бабки, на почтальона жаловаться?

– Бабки? – посуровела гостья. – А ты себя уже в престарелые дедульки записал? – Участковому недавно стукнуло уже шестьдесят четыре.

– Вот и я к тому же, – притворился восторженным Горбушин. – Ты вроде меня на несколько лет старше, а выглядишь, словно тебе только шестьдесят стукнуло. Никак молодильные яблочки у себя в саду стала выращивать? Хе-хе!

Нехитрый комплимент удался на все сто. Если не больше. Старушка прикусила губу и вроде даже как покраснела. А уж пыл её воинственный сразу угас. Как говорится, ласковое слово и от участкового приятно. Это так он сам поговорку трансформировал и никогда о ней не забывал. Руководствовался ею, так сказать.

Гостья стала по приветливей.

– Да бог с ним, с почтальоном, нам, пожилым, уже и недели одним днём кажутся. Тут такое дело... Внучатая племянница ко мне с сынишкой своим приезжает на днях, а меня ейный муж в город заберёт, чтобы за младшим правнуком приглянула...

«Во бабка даёт! – удивлялся мысленно Горбушин. – Это за ней пригляд да присмотр нужен, а она поверила, что ей правнука доверят. Наивная...»

– Ну а они здесь по двум причинам останутся, – продолжала посетительница, – даже по трём. За домом присмотреть надо и урожай собрать. А самое главное, сынишку ей подлечить надо свежим воздухом и парным молочком. Соседка-то моя предложила у неё хоть ведрами брать.

– Знаю, сейчас многим некуда молоко девать. А молокозавод так и не открыли, обещают только...

– Ага! Как и сыродельный комбинат закрыли да на металлолом разворовали! – опять стала заводиться Козырева, вспомнив о производстве, в которое вложила душу и которое развалилось после её ухода на пенсию. – А ты так ни одного вора в тюрьму и не посадил!

На это справедливое обвинение участковому крыть было нечем. И никакие комплименты или добрые слова здесь не помогли бы. Да и как сажать чиновников, которые всё делали по закону и всё списывали, строго придерживаясь каждого параграфа? Да и не на его участке производство находилось, а в ближайшем посёлке городского типа. Там своя группа пильщиков народного добра работала, не подступишься.

Но в итоге на прилавках магазинов не стало отменного «Козыревского» сыра и творога, а простым людям некуда стало сдавать излишки молока. А это в свою очередь сказалось на демографии села.

Сейчас-то любое производство открывай, хоть личное, хоть кооперативное. Да не осталось никого из желающих. И мастера все повымерли. А уж оборудования дорогого тем более никто не предоставит под божеские выплаты. Вот и пропадало целебное молоко, вот и закупались втридорога сыры за рубежом, покрытые плесенью, напичканные эмульгаторами и ядовитыми химикатами, зато в яркой упаковке.

А всё прекрасно понимавший Горбушин сам готов был биться головой об стенку, глядя на создавшуюся безвыходную ситуацию. Только вот утерянного не восстановить и время вспять не повернуть. Поэтому на прозвучавшие обвинения участковый лишь уныло проворчал:

– Григорьевна, не трави душу... А то опять в запой уйду!

– Эх вы, мужики называется, – взгрустнула старушка. – Только и знаете, что в запой нырять с головой. Нет чтобы порядок в селе навести, – опять шумно вздохнула и вернулась к прежней теме: – Вот и будет моя внучка своего сынишку лечить. А попутно, раз уж на месяц цельный, а то и два тут останется, будет мои записи изучать да по ним сыры делать. Экспериментировать. Чтобы попрактиковаться, так сказать, да знания нашего рода перенять.

Участковый наморщил лоб, припоминая:

– А ведь в самом деле у тебя сарай есть, который лучше дома отапливается и тепло держит... На продажу будет делать?

– Нет, только для себя! – заявила Прасковья категорически. Но тут же лихо, заговорщицки подмигнула: – Ну и для своих людей. Для самых полезных... За полцены. Только с одним условием: уж ты, Леонидыч, проследи да присмотри, чтобы внучку с правнуком никто не обидел. И сам в обиде не останешься.

Горбушин согласно закивал, сглатывая невесть откуда скопившуюся во рту слюну. Двадцать лет прошло, а до сих пор помнил он ароматные, тающие на языке сыры Лучезарного сыродельного комбината, на котором Козырева долгие годы была бессменным и последним директором. Будь его воля, имей он средства, отстроил бы комбинат заново и на руках эту старушку носил в цеха и сыроварни. Лишь бы она поток продукции возобновила, лишь бы за собой в могилу древние секреты не унесла.

О новых рабочих местах и всплеске развития животноводства на местных пастбищах и роскошном чернозёме и говорить не приходилось. Хотелось! Но...

– Не переживай, Григорьевна, присмотрю за твоими! А уж коль небольшое производство наладят да сбор молока пойдёт, то заставлю скрепером дорогу к тебе выровнять да щебнем подсыпать.

– О-о! – предстоящий подвиг Козырева сразу оценила. Хорошо представляла, чего будет стоить участковому подправить дорогу к чёрту на кулички. Причём ради одного, пусть и добротного, поместья. – Но ты уж так сильно рот на большое производство не разевай. Внушка самый минимум продукции делать сможет. Почитай она и пойдёт в уплату за молоко... да нужным людям. Сам понимаешь, что в сарае много не сделаешь – ни дров, ни угля для прогрева не напасёшься.

– Понимаю...

– А чтобы некие формальности соблюсти, мы сейчас с тобой нужные бумажки напишем! – Бывшая директор знала, о чём говорит, у неё на комбинате всегда бухгалтерия велась выше всяких похвал. – Ты ведь у нас имеешь право подписывать нужные документы как нотариус, вот сейчас всё и оформим.

Оказалось, что у неё уже и все бумаги с собой принесены. А среди них и доверенность на право продажи дома, и дарственная, и прочие, казалось бы, мелкие, без особой важности бумаги.

Через час, когда всё было подписано, заверено и украшено печатями, Игорь Леонидович вытер трудовой пот со лба и откровенно признался:

– Ты, Григорьевна, страшней иного прокурора будешь! Столько бумаги перевела!

– Зато теперь спокойно помирать могу. И дом в хорошие руки передала, и внучку любимую наследными знаниями оделила, и судьбу сразу нескольких человек улучшила. Да и правнучек здесь быстро оклемается, своей матери помогая да будучи к делу пристроен.

– А справится внучка-то? – оставались ещё некоторые сомнения у Горбушина. – Да и не помню я её в лицо-то.

– Правильно, её почитай тут все двадцать лет и не было, с малолетства самого. Но тебя-то она помнит хорошо, сразу опознает. Память у неё на лица, как и у меня, – великолепная. А чтобы ты её с кем не спутал, вот, глянь на её фотографию.

Пока участковый присматривался да цокал от восхищения языком, Прасковья тоже нахваливала красавицу.

– Да и как ей не справиться с сыродельной наукой, коль она уже давно этому делу обучается? Можно сказать, напоследок решила мои особые секреты прознять да поэкспериментировать с ними. Потом собирается на одном крупном заводе главным технологом работать...

– Где именно?

– Рано говорить, кабы не сглазить! – и Козырева показательно перекрестилась. Только вот глаза её при этом смотрели озорно и глумливо. Скорей на публику работала.

Но с другой стороны, раньше времени новое место работы оглашать даже нескромно как-то. Поэтому Игорь Леонидович лишь вздохнул, разбирая копии документов на три стопки, и признался:

– Хотелось бы твою внучку увидеть директором заново восстановленного комбината... Да где такого спонсора взять?.. Эх! – и добавил с горьким цинизмом: – Жизнь бесова, нас —...все, а нам некого!.. Ладно, забирай... Вот эта папочка – твоя личная. Эта – твоей Ляльке.

В последнюю положил и фотографию внучки, чтобы не перепутались. Но при этом вспомнил о недавно прозвучавшем хвастовстве Козыревой. Мол, все лица помнит, старая клюшка. И решил попробовать. Тем более что ничем не рисковал.

Достал из стопки фотографий одну, с физиономией Наркуши, и положил на стол.

– Тебе этот тип не знаком?

Старушка опять достала очки, рассматривая фото вблизи.

– Или, может, видела где в последнее время?

– Хм! – напрягалась Прасковья, уже и за кончик носа себя пощипывая. И вдруг выдала: – В последнее время... не видела. А вот лет пять назад...

Страж закона даже на стуле привстал, подавшись вперед.

– Где? Когда? С кем?

– Да возле нашего сельпо и видела. В мае две тысячи одиннадцатого. Он вместе с Федькой Зозулиным приезжал на таком громадном джипе. О том Федьке говорю, что хуторской. Он сейчас где-то отсиживается в лагерях.

– Э-э-э... – только и смог из себя выдавить Горбушин, потрясая пальцем.

– Да ты и сам тогда был возле сельпо. Пялился на этих баламутов: Федьку, дружка его, Шурку, и вот этого типа, тогда щетиной жуть как заросшего.

– Точно! Вспомнил! – теперь он уже вскочил на ноги и потрясал в азарте двумя кулаками: – И ведь буравило в памяти, что видел я этого типа, ох как буравило! Я бы, конечно, всё равно вспомнил... Но ты, Прасковья Григорьевна, – молодец! Не только моложе меня выглядишь, но и память – как у самой активной и доблестной комсомолки-активистки.

Комплимент на этот раз получился корявым и политически неверным, старушка озлобилась:

– Знаешь ведь, что никогда комсомолкой не была, не принимали меня. Да и к партии относилась с презрением. Вон ведь ваши коммунисты вместе с Ельциным да с Меченым какую страну просрали, построенную на костях обманутого трудового народа.

– Чего уж там, – скривился с досадой страж правопорядка. – Не трави душу... А за напоминание ещё раз огромное спасибо! Отработаем этот след. И по поводу внучки с правнуком не волнуйся, моё слово крепкое, знаешь ведь.

– Знаю, потому и уважаю, – вновь смягчилось выражение лица Козыревой. – Ладно, и тебе спасибо за всё. Может... и не свидимся больше... Так что прощай и не поминай лихом, если что.

На том и распрощались. А Горбушин, ещё минут пять посидев в задумчивости, размышляя о бывшем директоре сыродельного комбината и её нелёгкой судьбе, спохватился и стал названивать начальству. Новую версию о возможном местонахождении объявленного в розыск уголовного действительно следовало проработать как можно скорей.

Глава 7

Дайте мне парабеллум!

Настроение было отличное, физическое состояние – словно уже помолодела, но после дальнего и длительного похода к участковому Прасковья Григорьевна все равно еле сумела дойти к родному дому. Да и к соседке пришлось по пути

заскочить – о поставках молока договориться. Вот силёнки-то вместе с жизненной энергией и кончились. Только и смогла что войти во двор да усесться на лавочку возле калитки.

Наблюдавший за ней через окошко Александр ещё раз осмотрелся вокруг и всё-таки не выдержал – выскользнул во двор, чтобы помочь. Но вначале поднёс кружку с настойкой из тех трав, лекарств и прочих ингредиентов, что отыскивались в доме у запасливой хозяйки.

– Это ты зря, – еле слышно бормотала старушка. – Вдруг кто увидит...

– Меньше говори, больше пей! – наущал мальчуган, придерживая кружку. – Как раз должно было всё настояться...

Они уже второй день как перешли на «ты» и нисколько не заморачивались во внешних отличиях своего возраста. Академик уже давно привык общаться с людьми престарелыми, а Прасковью уже не обманывал детский голосок и ангельский лик розовощёкого мальчугана. За каждым его словом ей виделся почтенный седобородый старец, один вид которого вызывал уважение, а то и робость.

Так что слушалась, пила и чувствовала, как силы понемножку возвращаются в дряхлое, измученное непомерной нагрузкой тело. И пока Александр отнёс рюкзачок в дом и вынес трость для дополнительной опоры, старушка дышала совсем иначе и говорить стала уверенней.

– Давай в дом!

– Вместе! Опирайся на меня! Давай, давай!.. Я ведь тебе с утра уже доказал, что по силе превосхожу детей, которым восемь, а то и девять лет.

В самом деле, малой подталкивал и поддерживал на удивление мощно, цепко. Да и во время утренней зарядки показал необычную атлетическую сноровку, силу и неуёмную энергию. Приседал, отжимался, ходил колесом, подкидывал лихо весьма тяжёлые гантели и даже пытался с разгона пробежать два-три шага по стенке. В общем, вёл себя как разбушевавшийся торнадо и приговаривал при этом:

– Эх, Прасковья! Скоро сама прочувствуешь, как это – возвращаться в молодое крепкое тело. Поверь – меня распирают феноменальные ощущения. Кровь так и кипит! Кажется, что оттолкнусь посильней и в небо взлечу. Дышится настолько легко, словно вокруг не воздух, а нектар пополам с кислородом. А сознание – словно в лучшие молодые годы. Ясное, чёткое мышление, сообразительность – максимум от возможного. Утром проснулся, и пока лежал, с восторгом ощущая себя и ощупывая, успел проблему одну решить, над которой несколько последних месяцев бился безрезультатно! Представляешь?!

Козырева смотрела на мальчика с восторгом и завистью, пыталась представить... и не могла. Зато с какой-то дрожью во всём теле желала сбросить с себя оковы старческой немощности. Хотелось вздохнуть полной грудью, убрать дрожь конечностей, избавиться от постоянного нытья суставов. А удастся ли?.. И как именно?.. И когда?..

Последний вопрос и начал обсуждать Александр Свиридович, когда его напарница чуть оклемалась, взбодрилась после напитка, сделанного опытным геронтологом, и смогла спокойно разговаривать.

– Пока брёл через лес – тащил даркану на себе. И всё время проклинал её тяжесть. Ну и один немаловажный факт: бляху можно засечь, если она будет находиться на одном месте, и одновременно использовать созданное мною устройство. Делал я его для себя, но, превратившись в ребёнка и ожидая одного направленного и второго спонтанного перемещения в пространстве, вынужден был отдать устройство Верочке. Иначе я бы его не донес. По логике, Верочка должна была меня догнать сразу, а потом и здесь отыскать, получив от меня очень примерные ориентиры леса...

– Верочка? Та самая телохранительница, которой ты доверяешь?

– Она самая. Никому я больше довериться не мог. Хотя не могу утверждать, что она стала лояльной мне на сто процентов. Больше всего её впечатлило моё обещание помочь с омоложением её престарелым родителям. Уж очень они оба дряхлые, хотя им нет и семидесяти... Но что-то у неё пошло не так, вполне возможно, что её убили. Потому что на первой точке смещения я её так и не дождался. А потом меня зашвырнуло в ваши края. И во времени отнесло на шесть суток назад.

О технических деталях Кох рассказывал уже не раз, высвечивая то одну, то другую деталь своего омоложения. Полностью осознать всю картину сложного преобразования, со смещениями в пространстве и даже во времени, Прасковья не могла. Пока. Да и не пыталась. Зато всегда кивала, где надо, и задавала наводящие вопросы, которые явно помогали самому академику разобраться в случившемся, продумать верные шаги на ближайшие часы.

Вот и сейчас его несуразная фигурка гротескными для ребёнка размахистыми шагами двигалась по горнице туда и обратно, а сам учёный опять увлекся рассуждениями.

– Именно поэтому я больше всего опасаясь, что устройство могло попасть в чужие руки. Разобраться в нём очень сложно, даже оставленные Верочке инструкции ничего не дадут для понимания сути. Тем не менее на след дарканы могут выйти мои недоброжелатели. Поэтому я и спрятал её сравнительно недалеко отсюда, в небольшом глинистом овраге...

– Есть там такой, – подтвердила напарница. – Его местные Заячьим называют, потому что зайцы порой в него проваливаются, а выбраться сами не могут.

– Хм! Вот и я не мог. Еле выбрался, – пожаловался мальчик, непроизвольно поглаживая давно отстиранную рубашку, и продолжил хождение, поясняя предстоящие им задачи: – Устройство никогда не указывает на конкретную точку нахождения пластины, а только приблизительно, на большой участок. Насколько большой – знать не могу, провести испытания не успел. Но раз тут над нами до сих пор не летают вертолёт, а лес не прочёсывают густой гребёнкой и с граблями, значит, в руки государства наш артефакт никак не попадёт. А вот Вера Павловна, если осталась в живых, вполне может попытаться меня отыскать. Но хуже всего, если ей на хвост сядут те тёмные личности, о которых она мне рассказывала. Поэтому в Заячий овраг мы должны податься не с пустыми руками, а имея в них оружие.

– Ой! – заволновалась Прасковья. – Да ты никак человека убить готов?

– Те, кто меня ищет, вряд ли имеют в душе хоть что-то человеческое, – жёстко заявил Кох. – Поэтому рука не дрогнет. Да и цели наши, дорогая Прасковья Григорьевна, оправдывают средства. Мы не имеем ни малейшего права на ошибку. Так что думай, где взять оружие...

Старушка озадаченно покрутила головой, но некие стратегические положения решила уточнить.

– С чего ты взял, что, столкнувшись с недоброжелателями, сумеешь с ними справиться? Даже имея в руках тот же пистолет, к примеру.

– Ну а кто будет ожидать подобного от ребёнка? – резонно рассуждал академик. – Да и в лес мы отправимся, словно за грибами. О том, что я превратился в первоклашку, знает только Вера, а трепаться об этом не в её интересах. Особенно после того как она собственными глазами увидела случившееся со мной чудо. А потом лично облачала это чудо в спешно разысканные детские тряпки.

– Зря ты уверен, что о тебе нынешнем не известно, – напряглась Козырева, что-то вспоминая. – Когда мне участковый показывал фото одного уголовника, я и другие фотографии мельком глянуть успела. Некоторые... Вот на них рисунок, скорее всего фоторобот мальчонки твоего возраста и заметила. Лицо совсем не похоже, а вот курточка на нём точь-в-точь, что на тебе была, когда ты из леса вышел.

– Вот оно как... – академик замер на месте, озадаченно почёсывая детские кудряшки.

– И женщину молодую видела, лет тридцати пяти. Уж не твоя ли это Верочка? Ну-ка опиши, как она выглядит? – и после краткого, но вполне ёмкого описания, воскликнула: – Она!

Как ни странно, это Коха обрадовало.

– Значит, всё нормально. Моя телохранительница в бегах и на сотрудничество с государственными структурами не пошла. Да и от бандитов такая ушлая бабца уйдёт без малейшего труда. Как я понял, она многим бойцам спецподразделений фору даст. В каких-то акциях участвовала, воевала даже по разным странам...

– Тебе видней, – равнодушно пожала плечами Прасковья. – Как ей доверять и насколько... – и тут же ехидно усмехнулась посетившей голову мысли: – Или она тебе не только как телохранительница и хороший человек нравилась?

Уморительно было наблюдать за ребёнком и за его мимикой: бровки домиком, глазки на всю ширину, губу куснул, скривился, фыркнул, а потом всё-таки признался, не по-детски охрипшим голосом:

– Не без того! Женщина она и, в самом деле, убойная. Стильная, стройная, гибкая, подвижная... Несколько раз я за собой замечал фривольные мыслишки, когда присматривался к её фигурке. Думал: «Эх, сбросить бы мне лет сорок пять, я бы на этой девочке ух как развернулся!..»

– Вот же охальник! – искренне изумилась старушка. – И как только мысли такие срамные тебе в голову лезут? Ты бы...

Хотела сказать: «В зеркало на себя посмотрел бы, пень трухлявый!», но так и прикусила язык. Малец чуть на коленки не падал, весело ухохатываясь от услышанных порицаний. Даже слёзы вытер, когда отсмеялся, и пустился в собственные наущения:

– Ты, Прасковья, свои старческие старорежимные заплёты забывай. Сама на днях молодой станешь, причём полностью здоровой, репродуктивной. Мужа себе отыщешь, детей рожать сможешь. А уж сексом будешь заниматься в полный рост, а то и круглосуточно. Хотеться будет до невозможности. Это я тебе точно гарантирую. Потому что гиперактивность подопытных крыс выходила за все рамки разумного.

– Скажешь такое... – пробормотала Козырева и даже собралась перекреститься, но рука так и замерла на уровне подбородка. – В самом деле, не шутишь?.. Но если я травму получила в шестнадцать лет, после которой беременеть не могла, а стану лет тридцати пяти?..

– Не важно! Любое омоложение, превышающее тридцать процентов, – перешёл на лекторский тон академик, при этом пафосно задирая вверх указательный палец, торчащий из детского кулачка, – автоматически регенерирует тело пациента до идеального состояния, возможного при получаемом в итоге возрасте. Иначе говоря, даже инвалиду, оставшемуся в детстве без ног, даётся великолепный шанс вернуть себе молодое, полноценное тело с ногами. Ну... в теории. Потому что на практике все тонкости, особенно с отсутствующими конечностями, я проверить не успел... Но! Сейчас главный вопрос повестки дня – где взять оружие? Срочно!

Прасковья Григорьевна тяжело вздохнула, несколько раз осмотрела мальчика с ног до головы и с осязательным сомнением в голосе призналась:

– Оружие-то есть... Но, может, всё-таки без него?.. А?..

И поджала с осуждением губы, глядя, как краснощёкий ребёнок с очень нездоровым энтузиазмом потирает ладошками.

Глава 8

Затаившийся Цаглиман

Наркуша уже несколько дней пытался разобраться с доставшимся ему трофеем. В принципе, как залёг «на дно» в этом хуторе-вотчине своего друга молодых лет, так и возился с диковинным устройством. Оно запускалось, действовало, даже что-то показывало на небольшом экране, но как считать результаты, как задать нужный алгоритм и что оно всё в итоге значит, приходилось выяснять методом тыка, используя простейшую житейскую логику да подсказки из Интернета. Даже некоторые навыки компьютерных игргодились, хотя ими завсегда у уголовного мира владел весьма поверхностно.

А в том, что устройство страшно ценное и нужное, Боря Цаглиман догадался сразу, ещё там, во время штурма квартиры академика и разразившейся войны сразу между несколькими вмешавшимися в конфликт силами.

После предательского удара по голове со стороны Паровоза Наркуша потерял сознание всего на несколько мгновений. А придя в себя и прислушиваясь к грохоту участвовавших выстрелов, думал только об одном: «Сейчас этот тупой шкаф меня и добьёт! Не иначе как по наущению своего дяди, такого же ублюдка, действует. Сам Лось-Ефимка на такое не решился бы...»

К его невероятному удивлению, подельник-предатель только бегом отнёс не подающее признаков жизни тело на чердачную площадку да там и бросил. Даже обыскал плохо, забрав пистолет, но оставив нож. То ли очень спешил, то ли решил, что тратить лишние секунды на труп бессмысленно. Не знал, видимо, что

некоторые люди числятся в категории «особо живучие».

Но как только «шкаф» прогромыхал вниз, Боря поднялся на ноги и, разминая опухшую возле затылка шею, стал осторожно спускаться с чердака на жилой этаж.

Хорошо, что осторожничал. Успел первым заметить крадущихся ему навстречу спецназовцев. Подался назад и замер, стараясь по доносящимся звукам просчитать происходящее на смотровой площадке. Также понял сразу, что всей операции пришёл жирный полярный лис. Раз уж всё оцеплено силовиками и идёт такое беспощадное сражение, то даже сдаться будет проблематично. Авансы Лавсан выплатил невероятные, а несколько групп совсем незнакомых «братьев» выглядели так, словно пол-Москвы готовы были перестрелять. В такой обстановке ни о каком пленении не могло быть и речи.

Конечно, было непонятно, за что его приговорил Бурый. Вины за собой Наркуша не чувствовал, не «крысятничал» и ментам не «стучал». Разве что мелькнуло предположение, что старший в банде решил забрать под себя небольшой бизнес. Но Цаглиман прекрасно осознал: раз его приговорили, то ещё и по этой причине сдаваться нельзя. В «предварилровке» свои же удавят. Что-то выяснять там и доказывать, призывая к разборкам «по понятиям», бессмысленно.

Следовало избавляться от холодного оружия и немедленно уходить. Но как?! Если вокруг всё оцеплено и война только разгорается?

Пара спецназовцев начала действовать, криками заставляя Паровоза лечь на пол и не рыпаться. Потом раздались странные крики, грохот, стоны и показался бегущий зигзагами Лось-Ефимка, как его за глаза называли коллеги по разбою. Причём прущий от смерти Паровоз орал чистым матом, кроя всех, в том числе своего дядю и неведомых снайперов. А вокруг него искрили дробящие мрамор тяжёлые пули. То есть по нему работало сразу несколько снайперов.

И опять Наркуша ничего лучше не придумал, чем пересидеть какое-то время. Услышал, как Ефимка ворвался в квартиру к какой-то тёлке, дождался сравнительной тишины на лестнице и только потом начал спускаться. Вот тут и донёсся до него женский стон с площадки. Вспомнил, что женщины там не было, но был ребёнок.

«Неужели мальчика грохнули вместе с мамашей? Уроды!»

Не считаясь с доводами рассудка, он поспешил к месту событий. Осторожно выглянул из-за угла. А там ветерок гуляет, стёкла вдребезги... но ребёнка нигде не видно. Зато лежащая женщина сразу бросилась в глаза и была опознана как Вера Павловна, личная телохранительница самого академика. А раз она здесь, то скорее всего и старикашка рядом. Иначе зачем стреляли, пытаюсь их или отсечь, или убить?

Охранница оказалась довольно тяжело ранена в правое плечо и от болевого шока то теряла сознание, то вновь открывала глаза. А вот на левой руке и на боку у неё было то самое устройство. Оно напоминало часть разгрузки и довольно сложные наручи на локоть и запястье. А губы женщины в беспамятстве шептали: «Свиридович, вы где?» Значит, она до ранения вела поиск академика, пользуясь этим самым устройством.

Чем занимается учёный – Наркуша даже предположить не мог. Но судя по оплате и только-только начавшей затихать войне невероятного масштаба, значимость дряхлого старика сложно было переоценить. Любой информацией о нём или ведущей к нему можно будет не просто торговать, а крупно спекулировать, а то и диктовать свои условия. По крайней мере выкрутиться из-под неожиданного приговора со стороны Бурого, а то и его самого подставить, следовало попытаться.

Другой вопрос, как вырваться отсюда?

Да ещё и уйти с устройством?

Сообразительность Бори Цаглимана в критических ситуациях и при цейтноте времени порой поражала его самого. Вопросы, словно неповоротливые глыбы, ещё крутились в одной части сознания, тогда как вторая часть уже действовала. Рывок на площадку, и наиболее окровавленный спецназовец с развороченным пулей лицом оттащен за ноги в безопасное место. Снайперы, наверное, не успели перенести огонь.

Затем спешное переодевание. Повезло, что на Наркуше были брюки и ботинки, почти идентичные униформе силовиков. Только и следовало нацепить на себя окровавленные куртку и шлем. Разгрузку, бронежилет и автомат, при видимости

такого ранения, не было никакого смысла тащить на себе. Та ещё тяжесть! Да и вместо них видимость амуниции заменило отобранное у Веры Павловны устройство.

Полминуты тревожного ожидания, пока звуки выстрелов не стали совсем редкими, и опять рывок на площадку. Там он сбросил разгрузку, бронежилет и автомат со второго убитого спецназовца и взвалил его на спину. Тот оказался ранен в шею и не выглядел как окончательный и бесповоротный покойник. Своё лицо ещё раньше постарался измазать чужой кровью. Противно до омерзения, но жить-то хочется!

Как спустился вниз и добрался до машин «Скорой помощи», помнил словно в тумане. На кого-то орал, кого-то отталкивал с дороги, но не останавливался ни на мгновение. Помогло ещё одно чудо: несомый на спине человек оказался ещё жив. Хоть и врачи, нависшие над телом уже непосредственно в машине, не скрывали пессимизма.

- Не жилец...

- Вряд ли вытянем.

Но пытались. Совсем не обращая внимания на улёгшегося возле самой двери спасателя. Только и бросили в его сторону:

- Держись, солдатик, в госпитале и тебе окажут помощь!

А по прибытии умчались передавать коллегам еле дышащее тело, совершенно забыв про второго, про того, кто вынес раненого. А Наркуша попросил умыться, привёл себя в порядок и смотался из госпиталя, деловито заявив обмывавшей его сестричке:

- Ладно, спасибо. Некогда мне, надо в штаб возвращаться.

Так и ушёл, хваля себя за предусмотрительность и перестраховку. Имелась у него конура для лёжки, о которой никто из подельников не знал. Одежда, приличные аксессуары путешественника, мелочи актёрского реквизита, помогающие сменить внешность. Там и аванс припрятал. Но понимал, что

найдут. И свои, и спецназовцы, и охранники академика, и те уроды, которые снайперов вокруг натыкали.

Потому не рискнул оставаться дольше, чем понадобилось для переодевания и сбора вещей. Как и не раздумывал, куда податься, чтобы залечь «на дно». Только к Федьке Зозулину, в его глухие, удалённые от цивилизации места. С Федькой он познакомился давно, ещё в юности: учились вместе первый год в училище, там и скорешились. Потом оба свернули на нелёгкую дорожку уголовно наказуемой деятельности, но вместе никогда плотно не работали. Зато частенько встречались для бесшабашных загулов и небольших познавательных путешествий.

Во время одной из таких поездок Федька и привёз друга на свой родной хутор. Этакое большое, солидное хозяйство, пусть и запущенное слегка из-за недостатка рабочих рук. Потому что проживал там только один закоренелый холостяк – двоюродный брат Федьки, лет на пятнадцать старше его, трижды судимый и дважды сидевший, ушедший в «завязку», но торжественно пообещавший лучшему другу любимого братца: «Если чё, заходи. Укрою от кого угодно».

Укрыл. Да так, что и с собаками в случае облавы неожиданной не отыщут. Под неказистым на вид сараюшком, внутри которого топталась парочка овец, оказался шикарный погреб с удобствами. Почитай жилая комната с электрическим освещением да пристроенным в углу сортиром. Хочешь, отлеживайся, спи, отъедайся, хочешь – книги читай или в Интернете зависай. Благо, что данный участок находился в досягаемости покрытия ближайшего оператора. Хозяин хутора всё предусмотрел, всё устроил, – для самого себя берлогу готовил. Но и оплату за свои услуги взять не погнушался.

– Трактор купить хочу, – откровенничал. – А хороший – уж больно дорог. Так что твоя помощь очень вовремя подоспела.

А Наркуше и не жалко ради спасения собственной шкуры. Дал приличную сумму и пообещал, что впоследствии втрое больше даст. Если парочку месяцев высидит на хороших харчах да в полном спокойствии.

Только вот не сиделось Боре Цаглиману на одном месте спокойно. Два дня отоспался, а потом словно шило в одном месте завелось. А чтобы себя занять по

полной программе – стал изучать трофейное устройство. Хорошо так изучать, подробно. Не лентясь по нужным сайтам побродить да полезную информацию почерпнуть. До глубинного понимания сути действия он, конечно, не дошел, но хоть примерно понял, как странными наручами и экраном пользоваться.

К началу четвёртого дня он отчётливо уразумел: нечто или некто находится в северо-западном направлении, на примерном расстоянии в семь километров.

Вначале не поверил в такое совпадение.

«Неужели академик настолько близко?! – а потому успокоил себя расхожим среди фаталистов выражением: – Чего только не случается в жизни! А раз так, значит, следует мне туда наведаться и этого самого старикана «пощипать». Если уж за него такие войны ведутся, то уж гусь он жирный, будет что с него стрясти...»

А раз решение принято, то следовало только собраться и предупредить хозяина о своём кратковременном уходе. Чем Наркуша и стал заниматься, начав с подбора одежды. Хозяин вскоре в подземную комнату и сам заявился, подав условный сигнал и начав спускаться в тот момент, когда Боря Цаглиман натягивал трусы на голое тело.

Вся беда в том, что хуторянин пришёл не сам, а в сопровождении хорошо знакомых рож. И одна из них, ехидно улыбаясь и направляя на Бору пистолет, поинтересовалась:

– Наркуша, неужели ты мечтал от меня скрыться? Наивный поц!..

И, несмотря на обнажённость, бедный Цаглиман покрылся потом с ног до головы. В данный момент его жизнь не стоила и копейки.

Глава 9

Отголоски войны

Биография Прасковьи Козыревой оказалась очень богатой на события, людей, тайны и кровавые разборки. Всего в ней хватало: взлётов и падений, лжи и предательства, любви и великого самопожертвования. И судьба-злодейка издевалась, и фортуна разными местами поворачивалась, и смерть с ними всеми рука под руку ходила.

Маленький Александр только и слушал с отвисшей челюстью, но со стариковской серьёзностью в глазах. И только сжатый пересказ некоторых лет мог поразить человека и более искушённого в жизни, чем академик Кох. Особенно его поразило, что Козырева воевала в партизанском отряде и в свои шестнадцать лет попала к немцам в плен. Подверглась жестоким пыткам, была погребена под руинами тюрьмы, подорванной отступающими в спешке фашистами. Выжила лишь благодаря самоотверженным спасателям, которые разгребли руины и вернули к жизни героиню-партизанку. Увы, пытки и нахождение под обломками оставили неизлечимую травму на всю жизнь. Детей Прасковья так и не смогла иметь, хотя несколько раз пыталась создать семейный очаг.

Происхождение родителей, крупных владельцев сыродельных заводов, купцов и капиталистов, тоже сказалось на доле девушки отрицательно. По причине непролетарского происхождения её и заслуженной награды не удостоили, как ни добивался этого командир отряда. И после войны несколько раз всё в лагеря пытались отправить, обвиняя в предательстве и коллаборационизме с оккупантами. Хорошо хоть боевые товарищи как могли, но отстаивали свою боевую подругу.

Именно с боевой партизанской юности Козырева осталась равнодушной к оружию. Да и родители всегда в этом деле потворствовали. И если другие добросовестно сдавали найденное оружие или старались от него избавиться, утопив в болоте, семейство Козыревых только и делало захоронки в глухих местах. Руководствовались поговоркой: «Кушать не просит, вот пусть и лежит».

Вдобавок и в мирное время каких только коллизий не случалось. Но если имелась гарантия, что никто не заподозрит в укрывательстве огнестрельного оружия, оно тоже в тайники отправлялось.

Даже за год до пенсии Прасковья выкинула фортель в стиле юной партизанки. Начались кровавые девяностые, и бандиты ничем не гнушались. Хоть директора убить, хоть инкассатора ограбить. Вот и попытались три уголовника на своей

«девятке» срезать директорскую «Волгу», которой лично управляла сама директор, а на заднем сиденье восседала дородная бухгалтерша. Зарплату работникам комбината везли, крупную сумму.

Налётчики знали, что у женщин имеются ведомственные пистолеты, но отнеслись к этому с насмешкой. Куда, мол, двум бабкам-то с нами тягаться? Вот на том и погорели. Двумя выстрелами разбили стёкла задних дверей, приказывая остановиться и прижимая «Волгу» к обочине. Прасковья и остановилась. Зная, что свидетелей бандиты в живых не оставят (уже были случаи), она первой ринулась в атаку. Стреляла и попадала как заправский ковбой, потому что в тире всегда выкладывалась по полной и денег на добавочные патроны не жалела. Из бандитов только один успел выскочить наружу из «девятки» и поднять пистолет. Остальные умерли в машине.

Но героиня Великой Отечественной на этом не успокоилась. Понимала, что начнись следствие, – обязательно впаяют превышение, заключат толерасты и завоют поборники прав человека. Да и дружки покойников обязательно подтянутся и начнут гнуть пальцы веером.

Поэтому, не прекращая движения, сдёрнула труп водителя на пассажирское место, закинула на заднее сиденье убитого вне машины типа и прокатилась до ближайшего озера. Туда и булькнула «девятка» вместе с телами. А так как дело было осенью, то отыскали машину только следующим летом. Раки отлично постарались, очистив кости от мяса, а разбираться с баллистическими экспертизами двух найденных пуль никто не стал. Недолго думая списали «мокрое дело» на разборки между группами организованной преступности и закинули в архив.

А ведь пистолеты Козырева у преступников изъяла, сразу завернув их в кожаную куртку, затолкала в пакет и прикопала в приметном месте. Потом перепрятала. С бухгалтером она и не сомневалась, что договорится. Проверенная была тётка, кремень.

Только судьба распорядилась по-иному. Скончалась бедная бухгалтер на месте происшествия от инфаркта. Во время выстрелов по «Волге» сердечная аорта лопнула. Случись такое даже на операционном столе, и то спасти не смогли бы. А о разбитом стекле директор заявила, что камень из-под колёс встречного грузовика вылетел. Никто не стал сомневаться в её словах. Бывает... Тем более что зарплату работники получили без задержек.

Поведав свою историю, дряхлая старушка с некоторым сарказмом поинтересовалась у ребёнка:

– Что брать с собой будем? Автоматы, карабины, пистолеты или гранаты?

Тот тоже свою боевую молодость вспомнил:

– Всё взял бы... Да не унесу. Поэтому не станем мы с тобой, напарница, милитаристами, раздувающими гонку вооружений. Возьмём по пистолету да по запасной обойме к ним. Желательно посовременней. Далеко лежит?

– Близко. На опушке, из окон дома видать, – отчиталась старушка и не удержалась от улыбки: – Потому и житья участковому не давала, незаконных рубщиков гоняя, чтобы они случайно тайник не повредили. Зато всех отучила рядом с моей усадьбой деревья рубить.

Ребёнок на это лишь похвально кивал да цокал языком, поражаясь такой практичности. Но время торопило, и откладывать вылазку за оружием старушка не стала. Закрепила на спине корзину, упрятала в рукаве маленькую огородную лопатку и двинулась к хорошо известному ей месту.

Академику только и оставалось, что из окошка наблюдать и на дорогу поглядывать. Вдруг гости неожиданные нагрянут?

Обошлось. К вечеру общими усилиями оружие почистили, проверили и подготовили к любым неожиданностям. А там и соседка с молоком подошла. Два больших ведра на коромысле принесла, приговаривая:

– А что делать, Григорьевна? Уже и посуды нет, и банок не хватает, чтобы отстаивать. Да ты сама видела... И что мне с той сметаны да творога?.. Если и на базар свезти нет ни возможности, ни времени... А вот сыр – это хорошо. Его долго хранить можно, месяцами...

– Мой и годами будет стоять, – ревниво напомнила Козырева, показывая, куда ставить ведра, а потом во что перелить. Посуды в её доме имелось с избытком, объёмная, из нержавейки.

Но глядя, как она натужно поднимает пустые кастрюли, соседка, дородная крепкая женщина лет пятидесяти, посочувствовала:

- Как сама-то справишься? Тяжело небось?

- Ничего, я ковшиком и так всё отмеряю. А на днях внучатая племянница приедет, Лялька, ты её знаешь...

- Лариску-то? Глазастую такую и худящую? Помню...

- Вот она и станет тут всем ворочать. Благо, что давно на мастера выучилась и все наши семейные секреты знает. Будет у неё ещё лучше, чем у меня получаться. И сынок с ней будет, поможет матери и сам на молоке силёнки поднаберёт за каникулы. А уж саму Ляльку и не узнаешь, поди, красавица, женщина в соку...

Так, обсуждая новости и проблемы, женщины отправились в сарай. Там Прасковья передала соседке два малых бидона с герметичными крышками да один большой приготовила на завтра. Потому что дальше уже внук соседский, мальчонка одиннадцати лет, на тележке привозить будет.

- В дальнейшем, если дело пойдёт, и другие держатели коров со своим молочком подтянутся! - С этими словами и вернулась Прасковья в горницу после проводов соседки. - Ну а пока каши наварим да на утро творога сделаем. А в обед твои любимые вареники налепим.

Но академик не был бы академиком геронтологии, не заметь он нездоровый румянец на щеках своей напарницы.

- Стоп, стоп! - чуть не силой остановил он старушку. - Давай угомонись и ложись немедленно отдыхать! В твоём возрасте и состоянии нужен только покой. А ты вон как разбегалась! Ещё помрёшь раньше времени.

- А кашу?..

- Да что я сам кашу не сварю! Ложись!.. Сейчас чая мятного заварю, тебе надо успокоиться, восстановиться за ночь и к утру как огурчик быть.

– С самого утра?

– Ещё раньше, на рассвете. Нельзя, чтобы меня какой случайный грибник заметил. Потом не отбрешемся с тобой...

И Александр заварил чай и напоил Прасковью как следует. Потом наварил каши и сам наелся от пуза. Но, вернувшись к старушке, заметил, что она не спит, и присел рядом для разговора.

– Думал, ты уже давно похрапываешь.

– Не могу уснуть, мысли разные в голову лезут... И дурно мне... Вдруг и точно сейчас помру?..

– Ты бросай эти пораженческие разговоры! – рассердился Кох. – Столько прожила, сражалась, мечтала и верила, а накануне омоложения – в кусты?

– Ну, верить-то я начала только пару дней всего, – бледных губ Прасковьи коснулась слабая улыбка. – А вот умереть и в самом деле могу... Чувствую, что близок мой последний час... устала...

– Вот уж заладила! Чуть ли не стихами траурными заговорила! – уже не на шутку разозлился мальчонка. – Устала она! А обо мне ты подумала?! Если что с тобой случится, то и мне смерть. Не выживу я в этом мире без тебя. Или поймают и убьют, или в сумасшедшем доме свою новую жизнь закончу. Ты пойми, всё сейчас на тебе держится! И я, и всё будущее человечества. Можно сказать, что на тебя все будущие поколения стариков смотрят. Смотрят и верят, что именно ты станешь моим светочем, моим провидением, оказавшим мне помощь в самую трудную минуту...

Он ещё минут пять пел дифирамбы улыбающейся старушке, восхвалял её мудрость, мужество и отвагу, хвалил сообразительность и завидную проницательность. Убеждал в полной незаменимости. При этом бормотал всё тише и тише, пока совсем не умолк, убедившись, что Прасковья Григорьевна спит. Только потом вытер пот со лба и на цыпочках прокрался в свою спальню. И, уже укладываясь на мягкую перину, шептал с облегчением себе под нос:

– Что бы некоторые критиканы ни говорили, а массажное внушение действует. Если человека заставить поверить в свою незаменимость, он реально омолаживается. Жаль, не все это понимают... Надолго ли хватит, – это другой вопрос, зато в любом случае напарница сутки протянуть должна... Да и я хорош: взбодрил составленной смесью, а про откат забыл. Сам без году неделя, как омолодился, а старческие проблемы уже совсем из головы вылетели...

Глава 10

Отстрел гончих

Увы, к утру оптимистические прогнозы Александра Свиридовича не оправдались. Хозяйка дома проснулась, но вот встать с кровати так и не смогла. Наблюдался полный упадок сил, и даже речь стала невнятной.

– Ну вот, Сашенька, наверное, и всё... Прости, что не дотянула...

А тот метался по дому, стараясь сделать всё, чтобы взбодрить, вырвать напарницу из ледяных лап смерти. И ноги прогрел грелкой, и старческое тело в нужных местах массажировал, поощряя кровотоки, и отвар нужный вливал по чайной ложечке. Ну и приговаривал по ходу дела:

– Тот бодрящий отвар, что ты вчера пила, дать сейчас не могу, ты уж не обессудь. Потому что после него ты только час и протянешь. Поэтому его ты будешь пить, когда я с дарканой вернусь и всё к омоложению приготовлю. Поняла?

– Ты сам?.. Без меня в лес? – не на шутку обеспокоилась хозяйка дома. – Не спеши, я сейчас... соберусь только с духом...

– Лежи, лежи! Была бы уверенность, что дойдёшь, уже бы вышли. Сразу на месте всё и решили бы... М-да! – и решительно потёр ладошками. – Но у нас ещё один резерв остался, о котором можно не просто писать, а докторские диссертации защищать. Хотя он и не всегда честным покажется в моральном плане... Ты готова?

– К чему?..

– Я тебя сейчас ругать начну и совестить на разные лады, но особым способом. После такой взбучки умирающие люди часа на три в мир живых возвращались. А то и на все пять часов.

– Да я уже ко всему готова и ничего не боюсь, – печально улыбнулась старушка.

– Отлично! Тогда скажи, как тебя в детстве коротко и ласково называли?

Козырева почти не думала.

– Матушка всегда полным ласкательным именем Прасковьюшка называла. Даже когда очень зла была. Папа... тот проще ко мне обращался: Праня. Ну а брат старший, тот меня Кевай дразнил...

– Кева? А это слово как к тебе причастно?

– Ну, я маленькая была, имя своё официальное – Параскева – не выговаривала, только Ке-ва и слышалось... Вот в семье порой и...

– Ладно! Кева так Кева! Но теперь держись!..

И начал, брызгая слюной на лицо опешившей старушки, ругаться на неё. Причём старался это делать от трёх лиц по очереди. То словами материнскими да ласковыми попеняет, то отцовскими – грубыми да лаконичными. А то от имени старшего брата ехидством да несправедливостью обольёт.

Минут десять изгалялся, пока не рассмотрел мокрые дорожки от слёз на старческих щеках и даже им обрадовался.

– Плачешь? Ха-ха! Значит, пробило тебя как следует! Получше горчичников помогает!

– При чём тут горчичники? – вполне нормальным голосом попыталась ответить Прасковья. Но, прислушавшись к себе, удивлённо хмыкнула: – Ведь и в самом деле полегчало! Я даже встать могу...

– Не вздумай! – чуть не лёг на неё Александр. – Не смей вставать, силы экономь. Они нам через два часа понадобятся, когда я с дарканой вернусь.

Потом ещё и клятву взял, что до его прихода Григорьевна не посмеет встать, и только после этого стал суматошно собираться. Корзину взял, широкую да плоскую, рюкзачок на себя самый маленький подогнал да в него пару бутербродов сунул. А вот с пистолетом пришлось повозиться. Всё-таки великовато было оружие для ребёнка, несмотря на свою компактность и общие малые размеры. Пришлось к поясу очень сложно привязывать, а потом ещё и длинной рубахой навывпуск прикрывать. Несколько несуразно получилось, но иначе – никак!

Попрощавшись с Прасковьей и даже чмокнув её в щёку, выскочил из дому. Правильнее сказать, выскользнул из него, как малолетний воришка. Потому что по сторонам посматривал в оба да к звукам прислушивался, как доберман на прогулке. На небо пасмурное, предгрозовое тоже косился, радуясь, что в такую погоду грибники за добычей не попрутся. В лесу бежать сломя голову не бросился, а старался по возможности обходить хорошо протоптанные тропинки и с особой осторожностью пересекать волокни. Чисто для отвода глаз и от жадности сорвал пяток внушительных подберёзовиков и положил в корзинку. Вроде лёгкие, идти не мешают.

Как бы близко Заячий яр ни находился, а пока к нему добрался, пока отыскал в лесной дубраве, примерно час и прошёл.

Но и сразу вниз не ринулся, проверять свою захоронку. Посидел вначале на обрыве, прислушался и потом в самом удобном месте скользнул вниз. Но вновь ощутив в руках тяжесть переданной ему по наследству пластины, почувствовал, как напряжение последних дней спадает, накатывает на сознание волна уверенности и весёлой бесшабашности.

Он уложил даркану на дно корзинки, прикрыл тряпочкой и грибами и с удвоенным энтузиазмом стал выбираться из яра. А вот когда оставалось метра два до края, то его детский организм чуть не парализовало от страха. Из леса слышались мужские голоса! Несколько мужчин, переругиваясь между собой, приближались непосредственно к яру.

Паника помешала выбрать самый лучший вариант действий. Бросить корзину вниз? Легко заметят. Закопать? Не успеет. Карабкаться дальше, а потом бежать? Наверняка заметят и враз догонят. Просто вылезти и притвориться грибником, бродящим рядом с родителями? Только и оставалось...

Покрасневший от натуги, запыхавшийся Кох выбрался наверх аккуратно с появлением четвёрки мужчин. Дальше неприятности последовали одна за одной. У идущего впереди худощавого, подтянутого мужчины лет сорока академик сразу рассмотрел устройство. То самое! Его личное изобретение, которое он отдал Вере Павловне для выхода на самого себя!

Мало того, мужчина оказался не просто знаком, а узнаваем: тот самый, который оказался на площадке его дома и пялился на Александра, пока тот отчаянно делал вид, что играет с пожарной машинкой. И сейчас вот этот мужчина квадратными глазами уставился на ребёнка и словно окаменел. Зато его с боков обошли иные сопровождающие.

Этакий холёный господин, который в лесу казался более чем чуждым. Стоящий за ним двухметровый шкаф с квадратным лицом. Ну и третий... мужик за пятьдесят, с лопатой и мешком в руках. Скорее всего из местных, может, и в роли проводника выступающий.

– Ух ты! Каков грибник нарисовался! – воскликнул лощёный тип, цепко оглядывая окружающий лес. – Ты откуда такой красивый?

Академик с огромным трудом справился с голосом, но ответил вроде достойно:

– Из Малиновки мы.

– Нет там таких! – тут же встрял со своим комментарием нахмурившийся мужик.

– А мы только вчера приехали, – бойко лепетало дитё, показывая, что ничего не боится. А сам в то же время пытался вытащить пистолет, прикрывая корзинкой действия правой руки. – Мы тут с папой и с дядей Лёшей. И бабушка Таня с нами.

Теперь уже внимательно озирались все трое, пытаясь понять, где это так удачно прячется огромное семейство. Только тип с устройством стоял на месте, не

шевелился и, кажется, даже не дышал.

- Так ты потерялся? - показал свою особую догадливость господин.

- Нет, мы тут все, рядышком...

- Чего-то я никого не вижу... Крикнуть, что ли?..

Но, наоборот, стал говорить ещё тише. Тогда академик ткнул корзинкой в сторону небольших кустов и громко закричал:

- Да вон же бабушка Таня! Присела в кустиках!..

Повернулись в нужную сторону все трое. И хоть окаменевший тип продолжал стоять истуканом, пялясь на ребёнка, тянуть было больше нельзя. Уронив тяжеленную кошёлку, Кох схватил пистолет двумя руками и открыл стрельбу.

Расчётливо стрелял, выверенно. Два выстрела в лощёного господина. Потому что тот уже вынимал пистолет из подмышечной кобуры - самый опасный противник. Ему - одна пуля в грудь, вторая - в живот. Затем всего один выстрел в самого огромного. Тому для начала хватило пули в живот. Ну и напоследок две пули в мужика, который, бросив лопату, оказался совсем безоружен. Он только пятился вначале, а потом стал разворачиваться для побега. Но с четырёх метров герой-орденоносец не промажет. Пусть даже слабые детские ручки и подрагивают от тяжести дёргающегося пистолета.

Мужик грузно рухнул на землю, ствол пистолета уже наводится на мужчину с устройством. И тут случилось совсем неожиданное: тот рухнул на колени. Заложив руки в замок на затылке, он скороговоркой запричитал:

- Александр Свиридович, не убивайте! Готов вам преданно служить по гроб жизни, только не убивайте! Не скажу, что заслужил прощение, но вас вот не выдал. Да и вообще о вашем сознании в теле маленького ребёнка ни словом этим уродам не обмолвился. Иначе они бы вас сразу повязали, руки-ноги перед тем прострелив. И сюда они меня просто заставили прийти, я даже не догадывался, что мы встретимся. Чудом меня не застрелили и не замучили насмерть. И тогда, в вашем доме, меня убить решили, потому что догадались: я

вам помочь хочу.

Как это было ни странно, но услышанное показалось академику правдой. Не всё, конечно, кое-что царапнуло слух. Но подробности можно и позже выяснить. Как-то неожиданно в сознании возникла уверенность.

«Этого я всегда порешить успею! – потом и другие здравые мысли подоспели. – И кто будет эти трупы ворочать? Тем более что и не все ещё трупы...»

Не стонал только лощёный, слишком круто согнув шею и закинув голову, чтобы оставаться живым. А вот подранков следовало добить. Да побыстрее, пока иные грибники на звуки выстрелов не подтянулись. Вроде и нет никого в округе, но мало ли кого любопытного черти притащат?

– Тебя как зовут? – Александр шевельнул мушкой пистолета в сторону худого.

– Борис. Борис Цаглиман.

– Ладно, Борис, давай отработывай своё спасение. Обыщи этого шкафа и всё откинь вот сюда, на травку.

– Понял, шеф! Сей момент! – оживился тип. Аккуратно снял с себя устройство и только после этого приступил к обыску первого раненого. При этом мерным голосом давал комментарии: – Этот ублюдок имеет кличку Паровоз. В активе уже несколько мокрых дел. Меня именно он и пытался убить в вашем доме. Оглушил и отнёс на чердак. Потом началась стрельба снайперов...

На травке появились пистолет, запасные обоймы, нож, кастет, две тонкие спицы. Толстый бумажник с документами, ключи от машины, сигареты с зажигалкой и разная мелочь.

– Дышит ещё?

– Как видите, Александр Свиридович, – подчёркнуто уважительно и на «вы» продолжал обращаться тип.

– Возьми нож и добей его! – постарался приказать жёстко, добавив немножко баса в детский голосок. И весьма удивился, когда Цаглиман, стоявший до того на коленях у тела, перекатился чуть в сторону, сел в траву и, уныло глядя в землю, стал говорить:

– А вот на это никогда не пойду. Ни разу в мокрухе не участвовал и даже сейчас не собираюсь. Как говорится, кесарю – кесарево, а остальным... Вы уж, Александр Свиридович, начали их стрелять, вы и добивайте.

– Так ведь они тебя хотели убить! – поразился Кох. – Сам ведь говорил!

– Ну-у... – как вам сказать... Я – это не они. Имей я возможность защищаться от них, может, и пристрелил бы. Или в драке... мог бы придушить... А так... Нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/yuriy-ivanovich/vtoroy-shans>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)